

Усадьбы

Литературная карта
Сланцевского района

Муниципальное казённое учреждение культуры
«Сланцевская центральная городская библиотека»

Проект «Литературная карта Сланцевского района» начат Сланцевской центральной городской библиотекой с целью показать сопричастность нашего края к литературному процессу.

Вниманию читателя предлагается результат первого этапа работы над проектом – указатель «Литературная карта Сланцевского района. Усадьбы». Его можно назвать в некотором роде литературным путеводителем по краю, а точнее по «литературным» усадьбам северной части Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии, являющейся сейчас территорией Сланцевского района. Он вобрал в себя в сжатом виде собранный воедино обширный материал о литературных именах края, вошедших в историю русской культуры «усадебного» периода - с конца XVIII до начала XX века.

Помимо опубликованных трудов по литературоведению и истории, мемуаров, монографий и статей использованы также ресурсы сети Интернет. В создании карты были использованы неопубликованные работы местных краеведов, любезно предоставленные авторами. Во многом благодаря их кропотливому труду и архивным изысканиям стали известны детали биографий и быта многих представителей «литературных» родов гдовского дворянства. Сланцевская библиотека выражает огромную благодарность краеведам, чьи исследования легли в основу представляемого издания, и в первую очередь - Владимиру Ивановичу Будько и Андрею Дмитриевичу Лукашову.

Большая признательность создателям сайта «Гдовские усадьбы и их обитатели (из дневника гдовского помещика)» (<http://www.gdovuezd.ru>) - Гордиенко Сергею Андреевичу и Гордиенко Татьяне Владимировне и всем неравнодушным к истории родного края творческим людям, принявшим участие в сборе информации и иллюстрировании их сайта, который, мы убеждены, будет вдохновлять ещё не одно поколение краеведов.

Все собранные воедино сведения помогли создать этот указатель, который поможет читателю проследить связь владельцев местных усадеб с процессом формирования великой русской культуры периодов её Золотого и Серебряного веков.

Содержание

УСАДЕБНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО ДВОРЯНСТВА КАК ЧАСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА	5
ГЛАВА I ВЕТВЬ РОДА АРСЕНЬЕВЫХ В ГДОВСКОМ УЕЗДЕ.....	6
Имение Емельяна Андреевича Чоглокова. Никита Васильевич Арсеньев. Приезд Михаила Юрьевича Лермонтова в Петербург	6
Вревские.....	8
Шмит.....	9
ГЛАВА II УСАДЬБА АРХАНГЕЛЬСКОЕ СИЖНО И АНДРЕЕВСКОЕ ЗАУДОБО. 11	
Сиженский помещик Харламов и семья литератора Дружинина	11
Дом в Тифлисе.....	12
Архангельское Сижно.....	14
ГЛАВА III ЛИТЕРАТОРЫ, ПОМЕЩИКИ И ХРАМОСТРОИТЕЛИ ХВОСТОВЫ...21	
Василий Семёнович Хвостов	22
Александр Семёнович Хвостов.....	24
Дмитрий Иванович Хвостов	25
Екатерина Александровна Хвостова (Сушкова).....	26
ГЛАВА IV УСАДЬБА БОЛЬШОЕ СИЖНО (НАГИНЩИНА)	28
Александр Семёнович Шишков	29
Александр Ардалионович Шишков	30
Дмитрий Ардалионович Шишков, ...	33
Мусины-Пушкины.....	33
ГЛАВА V УСАДЬБА ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ	36
Александр Львович Блок	38
Александр Александрович Блок. Отец и сын.....	40
Иван Львович Блок	42

ГЛАВА VI УСАДЬБА ЛЕОНТЬЕВСКОЕ.....	44
Леонтий Фёдорович Трефурт.....	45
Семья Трефурт-Эллиот. Дружинин.....	46
Сёстры и братья Эллиот. Лето в Леонтьевском.....	49
Первая и последняя любовь - Леонтьевское.....	52
Иван Тимофеевич Беляев.....	55
Мария Тимофеевна и Ангелина Александровна Блок	57
«Эндина мыза». Конец Леонтьевского.....	63
ГЛАВА VII АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ДРУЖИНИН И ЕГО ДНЕВНИК.....	64
Журнал «Современник» и другие... ..	65
Марьинское. Соседи.....	66
Гости	68
Флигель.....	71
ИСТОЧНИКИ	74

Усадебная культура русского дворянства как часть литературного процесса

*«Дома косые, двухэтажные,
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные
Ведут немолчный разговор.*

*В садах настурции и розы,
В прудах зацвётших караси,
— Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси...».*

Николай Гумилёв

Издавна в Российской империи заслужившим потомственное дворянство государственным и военным деятелям жаловали «дачу» - малые и большие земельные наделы в разных уголках ближних и дальних губерний. Каждый новоиспечённый дворянин управлял землёй по-своему. Иные ограничивались получением дохода, а кто-то прикладывал таланты и усилия для создания «родового гнезда». Потомки тех первых дворян, в детстве и юности – в самый вдохновенный период жизни уже взращивали своё мировоззрение на почве усадебной оранжереи дней и лиц. А природа средней полосы России, глубоко поэтичная, во всех оттенках настроенья и времён рождает творческий порыв. Таким образом, усадебная традиция русского дворянства стала неизменной частью литературного процесса. Самые яркие представители изящной словесности XIX столетия являлись помещиками. Отчасти благодаря этой твёрдой материальной основе, пошатнувшейся только после 1861 года, в полной мере раскрылся дар Тургенева, Гончарова, Бунина. Само слово «усадьба» окутано теперь неким романтически-литературным флёром, за которым мы видим террасу в тени деревьев, пруд, столетнюю дубовую аллею и вдали белую ажурную скамейку, где сидит, быть может, одна из героинь Пушкина или Карамзина.

Эта традиция не могла обойти древнейшего уездного города Гдова с его округой, в которую включён был и современный Сланцевский район. Так некогда предок поэта Александра Блока стал владельцем имения в Гдовском уезде. Помимо Гдова, близкая к нам Нарва была опорным пунктом дороги, соединяющей западную Европу и столицу Российской империи, что в свою очередь определило характерное расположение усадеб близ пути Нарва-Петербург, Нарва-Гдов. Всё это в целом и определило историко-литературную стезю развития нашего края с конца XVIII до начала XX века.

Глава I Ветвь рода Арсеньевых в Гдовском уезде

Имение Емельяна Андреевича Чоглокова. Никита Васильевич Арсеньев. Приезд Михаила Юрьевича Лермонтова в Петербург

История Гдовского уезда неразрывно связана с фамилией большого дворянского рода Арсеньевых, берущего своё начало в XIV веке, когда на службу к московскому князю Дмитрию Донскому наряду с другими представителями татарской знати перешёл Аслан Мурза Челебей. Приняв христианскую веру, он получил имя Прокопий, а сын его Арсений стал родоначальником Арсеньевых. Среди его потомков будут крупные государственные и военные деятели России.

Александр Дмитриевич
Арсеньев
1766 – 1819

Старшим представителем этого дворянского рода в Гдовском уезде являлся двоюродный дед Михаила Юрьевича Лермонтова - Никита Васильевич Арсеньев (1775 - 1847), генерал-майор, тайный советник, управляющий Воспитательным домом и больницей Всех Скорбящих, обладатель множества регалий и почётный опекун Санкт-Петербургского Присутствия. Он женился на Евдокии Емельяновне Чоглоковой (1785 - 1856), дочери разбогатевшего на откупах карточного фабриканта Емельяна Андреевича Чоглокова (? -1814). Состояние его было столь велико, что он смог пожертвовать на постройку казарм в пользу недостаточных обывателей около 20 тысяч рублей – огромную по тем временам сумму. За этот благотворительный взнос, а также за поступление в казну дохода от деятельности по печатанию игральных карт Емельян Андреевич Чоглоков получил дворянство и чин надворного советника. К 1800 году он стал владельцем обширных земель в Гдовском уезде. Некогда принадлежавшими ему деревнями Малафьевка и Шавково, расположенными на территории современного Сланцевского района, впоследствии будет владеть Лев Александрович Блок – дед поэта; Чёртово Жилое и Чёртово Пустое будут принадлежать литератору Александру Васильевичу Дружинину и баронессе Евфимии Никитичне Вревской соответственно. А также ему принадлежали несколько домов в селе Заянье и деревни Рясенец, Юдино, Новополье, Бор, Луг, Березно, Кореловщина, часть деревни Белая, Кислино, Шавково, Радолицы, Межник, Горка, Супор, Гнездилова Гора, Полянка и часть деревни Переткино – в основном они относились к южной части Гдовского уезда, современным Гдовскому и Плюсскому районам.

Николай Дмитриевич
Арсеньев
с сыном Дмитрием
1794 год

К концу жизни доходы Емельяна Андреевича упали, и наследникам его достались огромные долги. Большая часть принадлежавшего ему имения в Гдовском уезде ушла с молотка. Это в частности касалось имений, приобретённых на торгах Василием Фёдоровичем Дружининым, Александром Ивановичем Блоком и Николаем Гавриловичем Харламовым. Часть земель выкупил его зять, Никита Васильевич Арсеньев, и таким образом стал гдовским помещиком. Согласно исповедальным росписям 1831 года он указан как владелец деревень Горка, Супор и Чёртово Пустое (современный Плюсский район Псковской области).

Екатерина Николаевна
Арсеньева
Художник
В.Л. Боровиковский

Михаил Юрьевич
Лермонтов

У Никиты Васильевича и Евдокии Емельяновны было трое детей: Емельян (1810 - 1877), Евфимия (1814 - 1885) и Елена (- 1883). Семья жила в Петербурге, где они имели большой двухэтажный дом в Коломне, на углу улиц Торговой и Б.Мастерской (ныне угол улицы Союза Печатников и Лермонтовского проспекта, д. 10/8).

Сын Никиты Васильевича Емельян Никитич Арсеньев был военным, участвовал в Персидском, Турецком и Польском походах, имел множество орденов и знаков отличия, дослужился до полковника. Был женат на Ольге Семёновне Пановой.

Дочери Никиты Васильевича, уже будучи замужем, некоторое время жили вместе с родителями, а после приобретения своих домов разъехались. Евдокия Емельяновна очень переживала по поводу отъезда дочерей и предстоящей разлуки. На что свойственница её, Елизавета Алексеевна Арсеньева, отвечала, что та на самом деле счастливица и не ведает, что чувствует она, вдова, потерявшая и мужа, и дочь.

Наиболее важным для нас является то, что семья Никиты Васильевича Арсеньева была в родстве с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Дед поэта - Михаил Васильевич Арсеньев - был родным братом Никиты Васильевича. Поэт с бабушкой часто посещали дом петербургских родственников. Желая перевестись из московского университета в Петербург, по приезде в столицу, Лермонтов остановился в Коломне. Позже во время службы поэта в лейб-гвардии гусарского полка, стоявшего в Царском селе, Елизавета Алексеевна Арсеньева, никогда не оставлявшая без своей опеки внука, жила в семье брата покойного мужа в течение двух лет, занимая у них несколько комнат первого этажа. В 1836 году поэт впервые здесь читал отрывки из драмы «Маскарад».

Елизавета Алексеевна
Арсеньева

Лермонтов приехал в Петербург в 1832 году. Начальный период его пребывания в столице не был скрашен ни успехами, ни приятными знакомствами. Перевод из Московского университета в Петербургский был возможен только с понижением учебного курса, а круг столичной родни не был ему интересен. В письме он напишет:

Михаил Юрьевич
Лермонтов

«Назвать вам всех, у кого я бываю? У самого себя: вот у кого я бываю с наибольшим удовольствием. Как только я приехал, я посещал — и признаюсь, довольно часто — родственников, с которыми я должен был познакомиться, но, в конце концов, я убедился, что мой лучший родственник — я сам; я видел образчики здешнего общества: дам очень любезных, кавалеров очень воспитанных — все вместе они на меня производят впечатление французского сада, и не прострannого, и не сложного, но в котором можно заблудиться в первый же раз, так как хозяйские ножницы уничтожили всякое различие между деревьями...». Вот такое сложилось у

поэта впечатление от круга петербургской родни. Надо сказать, что тогда он переживал тяжёлый период своей жизни, когда столь необходимо было самоутверждение, но все связующие людей нити казались путами.

Вревские

Одна из дочерей Никиты Васильевича Арсеньева - Евфимия Никитична вышла замуж за барона Степана Александровича Вревского. Её муж был внебрачным сыном князя А. Б. Куракина, давшего своим детям фамилию, образованную от названия его родового владения Врева, в свою очередь, получившего наименование от находящегося на лужской земле озера Врево. Вревский был военным, в чине поручика вышел в отставку и служил коллежским советником в одном из учреждений. Через Вревских Евфимия Никитична была в дальнем родстве с Пушкиными. В приданое от отца она получила деревни в Гдовском уезде: Чёртово Пустое, Детково и Апалево. Позже в имении выстроят деревню Никитино - в честь отца, а само Чёртово будет именоваться Евдоксино (в честь матери) и Степаново (в честь покойного мужа Евфимии Никитичны - барона Степана Александровича Вревского).

Вревская была влиятельной фигурой в столице. Она получила хорошее образование, в совершенстве владела французским языком, в её петербургском доме собирался широкий круг интеллигенции, в который входил и Достоевский. Один из таких вечеров и описал в поэме «Возмездие» Александр Блок. В Гдовском имении также собиралась большая компания, как местных помещиков, так и петербургских гостей.

Соседом Евфимии Никитичны и в Петербурге, и в деревне был литературный критик, писатель Александр Васильевич Дружинин (1824 – 1864). Его имение Марьинское, именовавшееся изначально Чёртово Жилое, находилось на противоположном от усадьбы Вревских берегу озера. У соседей были доверительные, почти родственные отношения. Они часто делали друг другу визиты. Евфимия Никитична была гостеприимной хозяйкой, но и с удовольствием посещала дружелюбного соседа и его матушку. Дружинин называл её «если не другом, то дорогою соседкою». Беседы с ней имели для него значение «истинно отрадного разговора». О деревенском быте баронессы часто упоминается в дневнике Дружинина: *«Зовут пить чай к Вревской...»*, *«Накануне Ильина дня обедали у Вревской... День прошёл приятно, в щелкании языком...»*, *«...сельский бал у баронессы»*, *«Обед с пением и танцами у баронессы Вревской, а поутру гулянье, обжорство за завтраком ... Гости уехали засветло, но я ещё ужинал в Чёртове Пустом»*. И ещё: *«...у баронессы дом – настоящая Дантова biscaghiacciata (ледяная яма), вчера я провёл там вечер, читал газеты и ужинал, а ноги мои мёрзли до того, что я вынужден был надеть калоши»*.

Не имея своих детей, Евфимия Никитична взяла на воспитание дочь брата покойного мужа Марию Ипполитовну Терскую-Вревскую. О юной воспитаннице своей соседки Дружинин также упоминает в дневнике: *«Всех дам милее вышла мисс Мери...»*, Мария Ипполитовна унаследовала от воспитательницы имение Степаново, и за 1900 год она ещё упоминалась как его владелица. А в 1905 году имение принадлежало гдовскому мещанину Лухту Карлу Яковлевичу.

Шмит

Вторая дочь Никиты Васильевича Арсеньева - Елена Никитична - стала женой Конрада Карловича Шмита, гвардии поручика. Согласно переписным книгам за 1856 год ей принадлежали деревни Горка, Супор и Язва Гдовского уезда (сейчас это Плюсский район Псковской области).

У Елены Никитичны и Конрада Карловича было два сына: Константин (1835 - 1894) и Никита (1833 - 1898).

Никита Конрадович Шмит был значительной фигурой в Гдовском уезде. Являлся первым председателем земской управы, почётным мировым судьёй и гласным Гдовского уездного земского собрания от землевладельцев на 1883 – 1886 годы. В знак благодарности и «в память неусыпных и полезных трудов его в продолжение восьмилетней службы в Гдовском уезде» в помещении земской управы был вывешен его портрет. В 1877 – 1878 годы Шмит был ярославским губернатором и стал первым почётным гражданином Ярославля. Впоследствии он являлся тайным советником и сенатором.

Никита Конрадович женился на Марии Николаевне Харламовой, также происходившей из рода Арсеньевых, и стал совладельцем имений Архангельское Сижно и Андреевское Заудобо, принадлежавшим жене.

Римма Никитична
Браиловская

Дочь Никиты Конрадовича и Марии Николаевны - Римма Никитична Браиловская (1877 – 1959) - занималась живописью. В 1898 году она вышла замуж за художника и архитектора Леонида Михайловича Браиловского и поселилась в Москве. В 1917 году выехала с мужем в Крым. Участвовала в выставках в Ялте. В 1918-м через Константинополь попала в Белград. В 1924-м супруги поселились в Риме, где приняли католичество и стали прихожанами храма св. Антония Великого при Папской коллегии Руссикум.

Квартира Браиловских в Риме была русским культурным центром, где регулярно проходили собрания для соотечественников, читались лекции и проводились дискуссии. Здесь супруги неоднократно устраивали свои выставки. Также Браиловская выставлялась во многих городах Европы, в том числе в выставках русского искусства в Париже (Devambez, 1921) и Белграде (1930). В 1945 году Римма Никитична спасала русских эмигрантов-невозвращенцев от выдачи советской репатриационной комиссии. Похоронена рядом с мужем на римском кладбище Верано».

Икона супругов Браиловских
Богоматерь с Младенцем

Картина супругов Браиловских
«Голубая Москва»
1923 год

Глава II Усадьба Архангельское Сижно и Андреевское Заудобо

Сиженский помещик Харламов и семья литератора Дружинина

Современное Сижно, близ которого располагалась усадьба Архангельское, ранее являло собой военный сторожевой пост – «сиженье», и наряду с двумя аналогичными укреплениями (Большим и Васильевым Сижно) называлось Сижно Малое. Известно оно с середины XVI века. Первым главой этого поселения был некто Горихвостов. Вероятно, один из основателей разветвлённого дворянского рода Хвостовых, хорошо известного в Гдовском уезде. В XIX веке, более спокойном для нашего края, вместо военного поселения здесь выстраивается усадьба, именуемая Архангельское. Название ей дано было от церкви во имя Михаила Архангела – покровителя воинов, построенной в Сижно веком ранее Хвостовыми и Коновницыными. Доподлинно известно, что к середине девятнадцатого столетия владельцем усадьбы Архангельское, выстроенной в Малом Сижно, и сельца Андреевское Заудобо являлся Николай Александрович Харламов (1818 - 1852). Заудобо располагалось недалеко от деревни Кушела в сторону Выскатки. Так же Харламову принадлежал дом с садом и службами в Нарве, доставшийся ему от родителей.

Церковь Михаила Архангела в Сижно
Фото из архива В.И. Будько

Вид на церковь
Михаила Архангела
через пруд
Фото из архива
В.И. Будько

С Харламовыми в своё время близко общались родители Александра Васильевича Дружинина – литератора и критика, входившего в круг журнала «Современник». Они были дальними соседями. Дружининым принадлежало имение Марьинское (современная деревня Марьинско Гдовского района). В письмах Василия Фёдоровича Дружинина, отца писателя, к жене – Марии Павловне, неоднократно упоминается о Харламовых. Он передаёт жене и детям поклон от Алексея Гавриловича Харламова и сообщает о намерении последнего прислать пакет брату. О том же Харламове идёт речь и в письме Александра Дружинина к братьям: *«Раз был у А. Г. Харламова, – сообщает писатель, – и раз он был у нас. С ним посылаю это письмо...»*. *«Сегодня мне Алексей Гаврилович подарил живого орла. Красив собой, на взгляд, горд, да зато как прожорлив!.. Не напасёшься на него кушанья. Что мне с ним делать?»* В примечании к статье «Вальтер Скотт и его современники» (1854) Дружинин сообщает некоторые биографические сведения об А.Г. Харламове: *«в детстве своём имел случай слышать воспоминания о красоте леди Гамильтон от покойного своего соседа по имени Алексея Гавриловича Харламова, видевшего её в Англии.*

Покойный моряк рассказывал также об одном бале, на котором леди Гамильтон произвела впечатление чрезвычайно оригинальное». Очевидно, это был предок Николая Александровича.

Николай Александрович Харламов в 1834 году поступил на военную службу, но через четыре года оставил её по болезни. Потом он занимал пост коллежского регистратора и являлся мировым посредником в Гдовском уезде. Но, несмотря на заметный по тем временам пост, жизнь данного представителя семейства Харламовых не была особенно примечательной. Личность Николая Александровича интересна в связи с его супругой – Дарьей Фёдоровной Харламовой, чьё имя и обессмертило фамилию местного дворянского рода.

Дом в Тифлисе

Дарья Фёдоровна Харламова (1817 - 1906) родилась в Тифлисе в дворянской семье. Отец её, генерал-майор Фёдор Исаевич Ахвердов (Ахвердян) (1774 - 1820), происходил из древнего армянского рода. От первого брака у него родились сын Егор и дочь Софья. Овдовев, Ахвердов снова женился на Прасковье Николаевне Арсеньевой (ок. 1783-1851). По матери – Вере Ивановне Ушаковой – она приходилась родственницей Н.П. Голицыной, «пиковой даме» и четвероюродной сестре М. А. Пушкиной, бабушки поэта. Отец Дарьи Фёдоровны – генерал-майор Николай Дмитриевич Арсеньев (?-1796), ближайший сподвижник Александра

Вера Владимировна
Арсеньева
Художник
В.Л. Боровиковский

Прасковья Николаевна
Ахвердова

Васильевича Суворова и начальник его штаба, доводился двоюродным братом Михаилу и Никите Васильевичам Арсеньевым. Таким образом, Прасковья Николаевна приходилась троюродной сестрой Марии Михайловне Лермонтовой и троюродной тёткой самому поэту. В семье Фёдора Исаевича и Прасковьи Николаевны родилась единственная дочь Дарья. Её имя встречается в работах, посвящённых жизни и творчеству А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, В.К. Кюхельбекера, М.Ю. Лермонтова, но главным образом в связи с её матерью.

Прасковья Николаевна Ахвердова была необыкновенно одарённой женщиной. «В Петербурге она получила отличное образование, – писала о матери Д.Ф. Харламова, – с успехом занималась живописью, в особенности, миниатюрною, списывала картины из Эрмитажа (имев даже позволение перевозить их к себе, в летнее время, на дачу в Павловск), точила из кости и из дерева, любила музыку и чтением воспитала в себе вкус к произведениям словесности». Эти качества в полной мере

проявились и в Тифлисе. «Она была необыкновенно гостеприимная, любезная, образованная и талантливая женщина, и дом её был средоточием всего культурного общества Тифлиса в продолжение 10 лет». После смерти мужа в 1820 году Прасковья Николаевна продолжала жить в Тифлисе.

Небольшой флигель рядом с домом Ахвердовых занимало семейство тогдашнего Эриванского губернатора, поэта и переводчика Александра Гарсевановича Чавчавадзе - родоначальника грузинской романтической поэзии, первого переводчика стихов Пушкина на грузинский язык. Он являлся родственником Прасковьи Николаевны по мужу – Фёдору Исаевичу Ахвердову - и был опекуном его детей, рождённых в первом браке - Егора и Софьи. В этом флигеле жили его мать, жена – княгиня Саломе и дети – Нина, Екатерина и Давид. Ахвердова уделяла много внимания воспитанию падчерицы Софьи и собственной дочери Дарьи. Но этим

Александр Сергеевич
Грибоедов

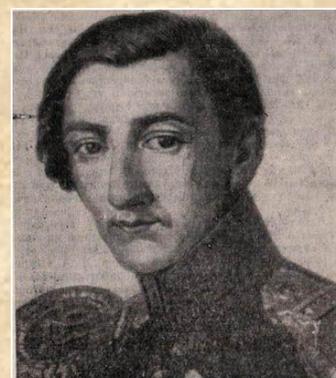

Нина Александровна
Чавчавадзе,
в замужестве
Грибоедова

круг забот Прасковьи Николаевны не ограничился. Чавчавадзе поручил ей воспитание дочери Нины, будущей жены Александра Сергеевича Грибоедова. Прасковья Николаевна была близким другом Грибоедова и во многом способствовала его женитьбе на Нине Чавчавадзе. В 1881 году Д.Ф. Харламова передала в Публичную библиотеку девять писем Грибоедова к её матери. Из них можно узнать, насколько тёплые, доверительные у них были отношения. В своей книге о Лермонтове Ираклий Андроников приводит архивные материалы о том, что, когда в 1828 году Нина Чавчавадзе стала женой Грибоедова, «к сему способствовала Прасковья Николаевна». Грибоедов питал к Ахвердовой

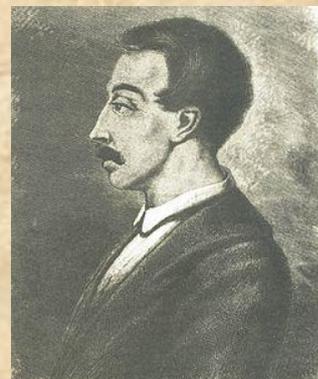
чувства самой искренней дружбы и называл её второй матерью Нины. *«Мы оба любим вас, как нежную мать, — писал он ей из Персии, — ваши приёмьши, ваши дети — это она и я».*

Также известно, что мать будущей владелицы усадьбы Архангельское была знакома и с Пушкиным. Совершая путешествие в Арзрум, поэт в мае-июне 1829 года посетил Ахвердову, обедал у неё в доме. Из воспоминаний Д.Ф. Харламовой: *«Около 1829 года посетил и обедал у нас и Александр Сергеевич Пушкин, я его превосходно помню, хотя это было в смутное для нас время, после смерти Грибоедова».* Брат Прасковьи Николаевны - Дмитрий Арсеньев, камергер, тоже был знаком с Пушкиным, переписывался с ним, а одна из сестёр - Дарья, вышедшая замуж за сенатора Василия Семёновича Хвостова, общалась с Грибоедовым. Живя на Кавказе, Ахвердова

Демьян Александрович
Искрицкий

поддерживала отношения со многими сосланными туда декабристами, в том числе Д.А. Искрицким, А.Е. Рынкевичем, А.А. Суворовым - внуком знаменитого полководца, и В.К. Кюхельбекером, с матерью которого состояла в переписке. В мае 1830 года. Прасковья Николаевна переехала в Петербург и поселилась с дочерью Дарьей в доме на углу Кирочной и Потёмкинской (ныне – угол ул. Салтыкова-Щедрина и Таврической, д. 48/13), где, по всей вероятности, её навещал Пушкин. По приезде в Петербург оживились отношения с Никитой Васильевичем Арсеньевым и его детьми: Емельяном, Евфимией и Еленой. Не менее тесными были отношения Прасковьи Николаевны с семьёй Михаила Васильевича Арсеньева. Приехав в 1832 году с бабушкой в Петербург, Михаил Лермонтов посещал свою троюродную тётку. Летом 1835 года Прасковья Николаевна жила в Царском Селе, где в то время стоял гусарский полк, в котором служил поэт. Имя Ахвердовой упоминается в письме Лермонтова к бабушке из Царского Села, относящемся к концу марта – первой половине апреля 1836 года: *«Так как время вашего приезда подходит, то я уже ищу квартиру. Прасковья Николаевна Ахвердова в мае сдаёт свой дом, кажется, что будет для нас годиться, только всё далеко»*. Не были забыты Прасковьей Николаевной и родственники по мужу. Брат Н.А. Грибоедовой - Давид, учась с Лермонтовым в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, также посещал её дом.

Вильгельм Карлович
Кюхельбекер

Архангельское Сижно

Дарья Фёдоровна Ахвердова вышла замуж за Николая Александровича Харламова в январе 1845 года. И в том же году у них родилась дочь Мария. Семья жила в Нарве. Там же и крестили дочь. При крещении девочки восприемницей была мать Дарьи Фёдоровны Прасковья Николаевна Ахвердова. В 1849 году Николай Александрович был уволен с должности по болезни, а через 3 года умер от чахотки. Похоронили его в Заудобо. После смерти он оставил супруге имение, заложенное в опекунский совет, и множество долгов. По отдельному акту 1855 года Дарье Фёдоровне досталась усадьба Архангельское Сижно и 2 деревни, а малолетней дочери Марии – дом в Андреевском Заудобо, 11 деревень (Кушела, Заборовье, Пантелейково, Гаянщина, Мельница, Мельничье, Савиновщина, Песвицы, Дворище, Ищево и Пелеша) и деревянный дом в Нарве со службами, садом и огородом. В связи с

Пруд в усадебном парке
и церковь Михаила
Архангела

Фото из архива В. И. Бутько

обременением имения Харламовых долгами и ввиду малолетства дочери над имением была учреждена Дворянская опека. Опекунами Марии Харламовой были назначены её мать, Дарья Фёдоровна, и сосед по имению, действительный статский советник, Карл Антонович Майер, гдовский землевладелец. Они обязаны были в течение года вести документацию, в которой указывались совокупные доходы и расходы по имению и нарвскому дому, и отдельно указывались расходы на нужды опекаемой. Но поскольку материальное положение семьи было тяжёлым, то для погашения долгов предполагалось продать дом в Нарве, а также и все золотые и серебряные вещи.

«Среди бумаг опеки, - рассказывает краевед Владимир Бутько, - есть весьма необычные материалы о том, что Н.А. Харламов однажды взял на хранение у одной из крестьянок д. Савиновщины деньги в сумме 500 рублей. Он взял их, видимо, до совершеннолетия её сына Петра, о чём было написано в специальной расписке, которую крестьянка предъявила в опеку. Крестьянка эта в своё время даже получила с барина какие-то «проценты» за 2 года хранения её денежных ассигнаций, но в последующие годы подобных выплат, видимо, уже не было.

В деле опеки есть также материалы о молодых крестьянках, которые желали бы купить себе «волю». В этом случае Харламова-мать и Карл Майер писали соответствующее прошение, и опека распорядилась ими уже по своему усмотрению. В первом по хронологии деле имеются материалы, в буквальном смысле Указы Сената Дарье Харламовой, с требованием отпустить на волю нескольких крестьян. Помещица, видимо, должна была этим Указам следовать. Харламова крестьян на волю отпускала строго по 100 рублей за одного крепостного. Видимо, в имении то была своеобразная «такса». Много это было или мало по сравнению с другими имениями, неизвестно. Видимо, крестьяне хорошо знали о финансовых проблемах Харламовой, а потому в 1852 - 1863 гг. в имении активно происходил исход крестьян из крепостной зависимости. За делом малолетней помещицы Харламовой следил весь уезд, поскольку покойный отец её был известным человеком и занимал здесь одну из должностей, связанную с присутствием в г.Гдов».

Представляет интерес перечень расходов, а иначе «Опись квитанций» Харламовой за 1853 год, о чём также говорит в своей статье В.И. Бутько. «В ней упоминаются траты её и дочери (Марии) на купцов, которые постоянно посещали дом и имение Харламовых и предлагали барыне и дочке тот или иной товар, ткани, обувь, платья, шляпки, или те же булавки. В описи есть перечень о денежных расписках управляющего, гувернантки, землемера, станowego, книгопродавца, садовника, аптекаря, портных, и прочих лиц, имевших непосредственное отношение к помещицкому дому и его тратам».

В период решения долговых вопросов мать и дочь жили в Заудобо, а позже, вероятно, облагородив дом в Архангельском, переехали. Сланцевский краевед Владимир Иванович Бутько указывает в своей статье «Дело об опеке над имением малолетней Марии Харламовой», что «в 1852 году в имении

работали архитекторы Латрах (в мае) и Андреев (в октябре), которые получили за свою работу соответственно 10 и 100 рублей».

Усадьба примыкала непосредственно к храмовой территории и отделялась от неё рекой Сиженкой. Близ церкви русло реки было искусственно расширено и углублено, образовавшийся пруд прекрасно вписывался в ландшафт и был украшением парка.

Со временем положение семьи выровнялось и о Дарье Фёдоровне заговорили как о гостеприимной хозяйке, душе всего уездного общества. Некоторые подробности о жизни обитателей усадьбы Архангельское мы узнаём из переписки и дневника Александра Васильевича Дружинина. Он познакомился с Дарьей Фёдоровной в 1855 году в Петербурге благодаря своему приятелю М.А.

Парк в усадьбе Архангельское
Фото из архива В.И. Будько

Ливенцову, приехавшему на короткое время в столицу с Кавказа и, видимо, имевшему поручения от её родственников – Муравьева-Карского или кого-либо из Чавчавадзе. Летом того же года он напишет в письме к другу: *«О вашей знакомой Д.Ф. Харламовой я имел недавно известие, она здорова, и я дал обещание быть у неё, но расстояние между нашими владениями (35 верст) меня смущает»*. Дарья Фёдоровна была образованной и обаятельной женщиной. В письме к приятелю Ливенцов скажет: *«Это славная женщина и весьма приятная собеседница!»*. Дружинин согласится с этой оценкой: *«Она милая и прекрасная женщина»*. Живя в Петербурге, писатель навещал Дарью Фёдоровну: *«Потом к Д.Ф. Харламовой, с ней побеседовал с полчаса»*, – запишет он в «Дневнике» в феврале 1857 года. Посещал Дружинин Дарью Фёдоровну и в деревне, о чём исправно информировал Ливенцова. *«Здесь, в деревне, – сообщает он, – я несколько раз видал Дарью Фёдоровну, говорил с нею о вас, и она просила напомнить вам о ней... Дочь её обещает быть красавицей во всей форме, теперь ей только 13 лет, но, благодаря деревенской жизни, она похожа на совершенную девицу. Теперь Дарья Фёдоровна в больших хлопотах – она выдаёт свою племянницу Шишкову за одного из соседей наших, очень хорошего молодого человека. Вообще её дом – приют бесчисленных племянниц, кузин и родственниц»*.

Также известно, что в декабре 1856 года у Харламовых праздновали день рождения Елизаветы Васильевны Хвостовой, двоюродной сестры хозяйки дома и племянницы знаменитых поэтов Александра и Дмитрия Хвостовых. Для младшей Харламовой друзья семьи заказывали журналы. А.Н. Обольянинов известит Дружинина: *«...я подписался в ноябре – нарочно пораньше – на ... «Рассвет» для М. Харламовой»*. И согласовывали свои визиты друг к другу, где первоочередным было посещение дома Дарьи Фёдоровны. Но в общении соседей существовали и обязательные границы. Однажды сосед Дружинина, владелец усадьбы Леонтьевское, Фёдор Леонтьевич Трефорт сообщил писателю, что одного их приятеля не впустили в дом m-me Харламовой по причине того, что он был навеселе. Роль Дарьи

Фёдоровны в местном обществе характеризует и изобилие в переписке между соседями-помещиками комментариев по поводу её здоровья: «Дарья Фёдоровна не может избавиться от головных болей, да и дочь её вторит мамёнке». «Бедная Дарья Фёдоровна лежит вторую неделю, страдает сильным ревматизмом в голове, от которого и нервы сильно раздражены». «Дарье Фёдоровне было лучше по последним известиям недели с полторы тому назад». «Дарья Фёдоровна все хворает». «Дарья Фёдоровна поправилась, но ещё не совсем». «Дарья Фёдоровна по временам жалуется на ревматизм, а катается».

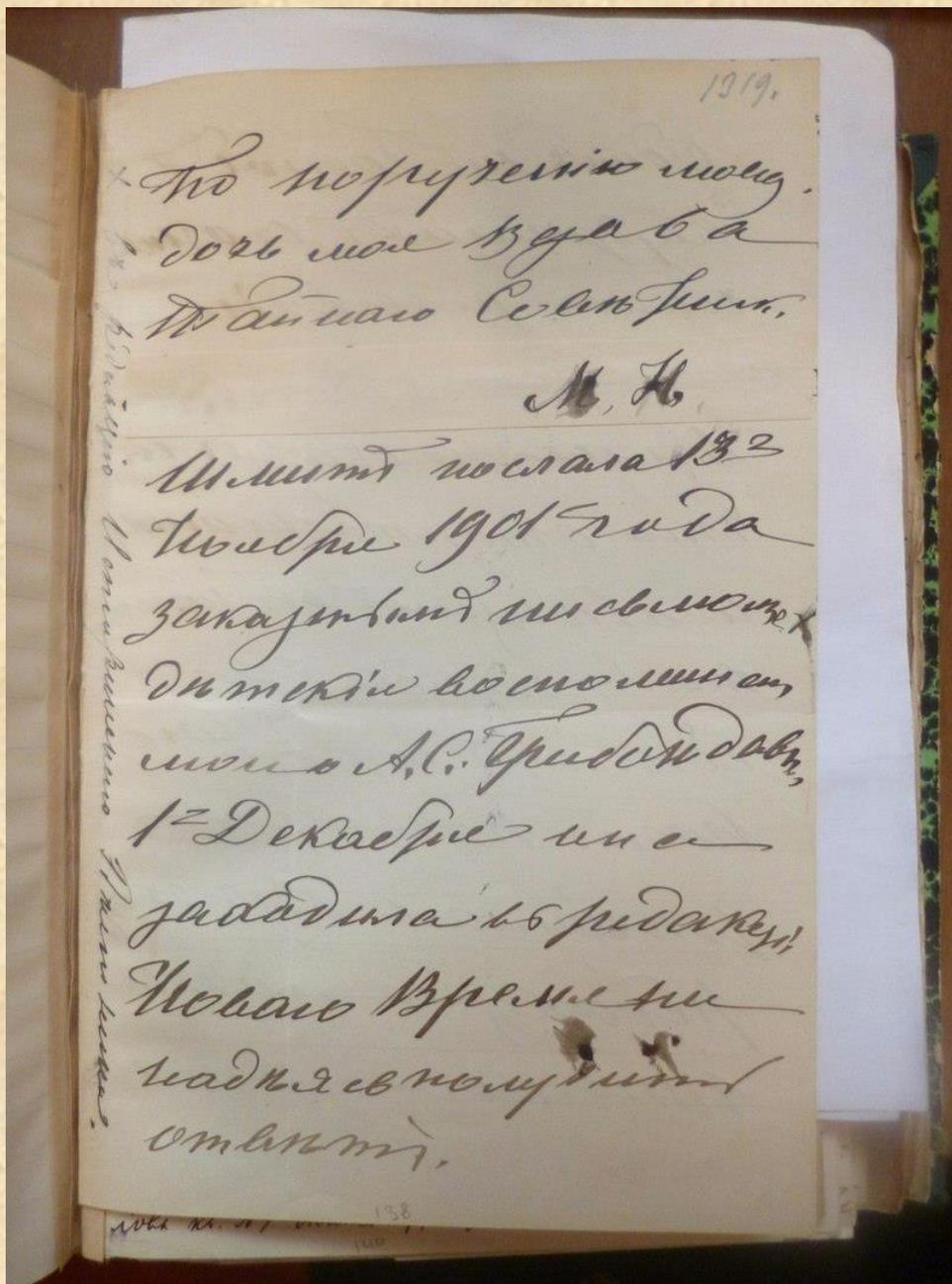
Ворота храма
Рисунок В. И. Будько

Дочь Дарьи Фёдоровны Мария Николаевна Харламова в 1862 году вышла замуж за Никиту Конрадовича Шмита (1833 – 1898), сына дальней родственницы Елены Никитичны Шмит, урождённой Арсеньевой. Он являлся земским деятелем, предводителем гдовского дворянства. Позже занимал должность действительного статского советника, вице-директора в департаменте полиции в министерстве внутренних дел, а затем был назначен губернатором Ярославля, став первым почётным гражданином города. После свадьбы Мария Николаевна с мужем посещали Архангельское.

В 1901 году Мария Николаевна запишет воспоминания 84-летней матери «Ещё несколько слов о Грибоедове», которые будут опубликованы И.Л. Андрониковым. Эти мемуары были использованы Ю.Н. Тыняновым при написании романа «Смерть Вазир-Мухтара», по мотивам которого в 2009 году был снят сериал из 10-ти фильмов «Смерть Вазир-Мухтара. Любовь и жизнь Грибоедова».

Фото Юрия Голубева

По поручению моему дочь моя вдова тайного советника М. Н. Шмит послала 13 ноября 1901 года заказным письмом детские воспоминания мои о А. С. Грибоедове, 1 декабря она заходила в редакцию «Нового Времени надеясь получить ответ.

Страница из письма Дарьи Фёдоровны Харламовой.

Фото документа В. И. Будько

Дочь Никиты Конрадовича и Марии Николаевны Римма Никитична Браиловская (1877 – 1959) занималась живописью. В 1898-м она вышла замуж за художника и архитектора Леонида Михайловича Браиловского и поселилась в Москве. В 1917 году выехала с мужем в Крым. Участвовала в выставках в Ялте. В 1918-м через Константинополь попала в Белград. В 1924-м супруги поселились в Риме, где приняли католичество и стали прихожанами храма св. Антония Великого при Папской коллегии Руссикум. Квартира Браиловских в Риме была русским культурным центром, где регулярно проходили собрания для соотечественников, читались лекции и проводились дискуссии. Здесь супруги неоднократно устраивали свои выставки. Также Браиловская выставлялась во многих городах Европы, в том числе в выставках русского искусства в Париже (Devambez, 1921) и Белграде (1930). В 1945 Римма Никитична спасала русских эмигрантов-невозвращенцев от выдачи советской репатриационной комиссии. Похоронена рядом с мужем на римском кладбище Верано».

Римма Никитична
Браиловская

Краевед В. И. Будько в своей статье упоминает, что уже «к началу 1890-х гг. имения приобретут разбогатевшие крестьяне из местных: лесопромышленник П.К. Громов купил Сижно, а владелец керамического завода К.А. Антипов – Заудобо. Громовы и Антиповы владели имениями вплоть до революций 1917 года. После Великой Отечественной войны в рамках особого «сланцевого проекта» вблизи усадебного парка в Сижно начали возводить шахту по добыче сланца и жилой посёлок, который примыкает непосредственно к парку». «Хозяйственные постройки имения, очевидно, располагались через дорогу с западной стороны. Там находились вплоть до времён перестройки сооружения совхозной фермы. Около храма до начала 2000–х годов стоял дуб, «очевидно, бывший много старше самого храма». Строения в Заудобо сегодня представляют руины, но после войны там имелась ещё двухэтажная больница - это был барский дом, но фотографий его не осталось».

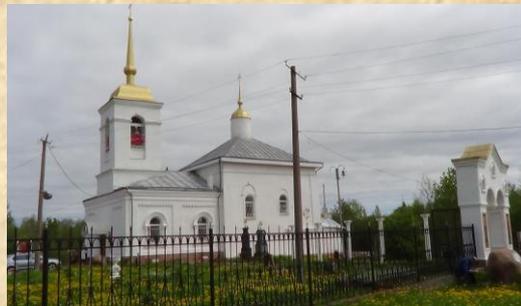
Надгробные памятники
на внутреннем церковном
кладбище
фото из архива
В.И. Будько

Фотография древнего дуба
у храма в селе Сижно. До настоящего
времени не сохранился.
Фото из архива В.И. Будько

Глава III Литераторы, помещики и храмостроители Хвостовы

В историю Гдовского уезда и, как части его, территории современного Сланцевского района представители древнего дворянского рода Хвостовых вписаны с XVI века. Среди них было много крупных государственных и военных деятелей. Как рассказывает местный краевед XIX столетия Ефим Андреев, первым представителем этой фамилии на гдовской земле был военачальник Хвостов или Горихвостов, как изначально именовался этот дворянский род. Он возглавлял сторожевой военный пост – сиженье, позже ставший селом Сижно. Таких сторожевых постов в нашем районе было три: Большое Сижно

Церковь в селе Сижно
Фото из архива В. И. Будько

(современная д. Нагинщина), Малое Сижно (современное село Сижно) и Васильево Сижно, находившееся в районе деревень Вороново и Монастырёк. Хвостов находился в Малом Сижно. Также братьям Хвостовым и Александру Нащокину в XVI веке принадлежали земли Прибужской волости Гдовского уезда. Из записей Ефима Андреева известно, что около 1730 года

Каменный крест на захоронении 1838 года

(однако современные специалисты относят начальный период постройки ко второй половине XVII века) Хвостовыми в Сижно была построена церковь во имя Архангела Михаила – покровителя воинов.

Но и в истории литературы Хвостовы также оставили след. Среди них наиболее известны два кузена - Александр Семёнович Хвостов и Дмитрий Иванович Хвостов, получивший титул графа.

Во многом фигуры двух Хвостовых сознательно противопоставались современниками как ленивый талант и плодовитая посредственность. П. А. Вяземский в «Святках» писал: «Хвостовы пред малюткой / Друг с другом входят в бой. / Один с старинной шуткой, / С мешком стихов другой».

К роду Хвостовых имеет отношение также и мемуаристка Екатерина Александровна Сушкова, вышедшая замуж за дипломата Александра Васильевича Хвостова. Имя Екатерины Сушковой в истории литературы тесно связано с именем Михаила Лермонтова. Об их общении она подробно написала в мемуарах, опубликованных после её смерти в 1870 году.

Василий Семёнович Хвостов

Василий Семёнович был родным братом поэта и дипломата Александра Семёновича Хвостова. Вместе с третьим братом Яковом, они являлись совладельцами усадьбы Нежово.

О своей жизни, начиная с детских лет до 1800-х годов, Василий Семёнович рассказал в мемуарах, напечатанных после его смерти в «Русской старине».

После окончания гимназии Василий Семёнович служил сержантом артиллерии, потом добровольцем отправился в Сибирь, где с чином капитана был зачислен в конную роту Колыванского горного батальона, а в 1783 году оставил военную службу, заняв должность советника гражданской палаты бывшей Колыванской губернии в Барнауле.

В феврале 1784 года он женился на Марии Борисовне Меллер, дочери полковника Бориса Ивановича Меллера, в браке родились шестеро детей, но пятеро из них умерли в младенчестве. Оспа также чуть не забрала жизнь Марии Борисовны. После тяжелых испытаний семья переезжает в Петербург.

В родовом имении Нежово в Гдовском уезде жили тогда младший брат Василия Яков Семёнович Хвостов с женой, происходившей из богатого рода Вороновых. Яков рано вышел в отставку и жил помещичьим бытом. Но дела его шли довольно плохо, имение приходило в упадок. Денег хозяину не хватало, а отец жены отказывался помогать зятю и, будучи против выбора дочери, написал даже заявление в Синод с просьбой о расторжении их брака. Увидев положение младшего брата, Василий Семёнович не посмел просить части дохода, на что рассчитывал, не имея уверенности занять хорошее место в Петербурге. Но вскоре Яков помирился с тестем и стал владельцем доходной усадьбы Вороновых. От родового имения он отказался в пользу Василия.

Василий Семёнович
Хвостов
Художник
О.А. Кипренский

Дарья Николаевна
Хвостова
Художник
О.А. Кипренский

Видя, что Марии Борисовне нравится в деревне, а столичная жизнь её тяготит, Василий Семёнович решил обосноваться в Нежово и предпринял поездку на место службы старшего брата в Константинополь, с целью объяснить ему при личной встрече обстановку в имении и просить письменного отказа от прав наследования. Что тот с легкостью и сделал. По возвращении в Петербург, Василий Семёнович начал хлопотать об отставке, но там его настигла ужасная весть – жена его скончалась в родах вместе с ребёнком. В книге воспоминаний он впоследствии запишет:

«Поражённый сим несчастьем и, оплакивая десятилетнюю мою жизнь с женою истинно доброю, утешался только оставшимся мне от неё сыном. В

грусти моей решился я посвятить себя деревенской жизни и употребить всё старание для приведения имения в лучшее положение». Вскоре он многое поменял к лучшему: снизил оброк и позволил своим крестьянам вести более сытую жизнь, тем самым улучшив производительность труда и благосостояние самого имения. «Без хвастовства могу сказать, - вспоминает Василий Семенович, - что я в течение пяти лет моего одиночества привел Нежово в несравненно лучшее состояние, как в рассуждении самого усадища, так и пашни».

Тётя уговаривала его жениться, но тот отвечал ей, что если она хочет, то пусть сама ищет ему жену. Он же из Нежово ни ногой. И если невеста к нему не приедет, и не полюбят они друг друга, то так и останется вдовым. И, как пишет в мемуарах Василий Семёнович, шутка та сбылась. Из Пскова по дороге в Чернёво заезжают к нему родственники, а с ними девица, Колюбакина Екатерина Александровна. В Чернёво находилось имение её отца. Большой компанией они проводят рождественские праздники и отмечают именины Василия. Близкие просят его обратить внимание на новую знакомую. Так Василий Семёнович женился во второй раз. Когда Екатерине Александровне пришло время рожать, чтобы избежать повторения печальной судьбы первой супруги, Василий Семёнович отправил её в Нарву, где были хорошие опытные врачи. Но злой рок преследовал несчастного Василия Семёновича – вторая жена его также скончалась в родах вместе с ребёнком.

«Поражённый вторично столь тяжёлым в жизни ударом, - пишет он, - оставил я моё Нежово и поехал в Петербург».

В 1803 году Василий Семёнович получил звание действительного статского советника и назначение гражданским губернатором вновь созданной Томской губернии. Этот пост он занимал пять лет. В короткий срок в Томске были созданы все необходимые государственные институты: губернское правительство, прокуратура, уголовный суд. Хвостов принимал участие в создании в 1806 году первой томской больницы. При нём в городе начали появляться общественные бани. Под его постоянной опекой находился Томский приказ общественного призрения — государственная благотворительная организация, ведавшая устройством школ, больниц и различных богоугодных заведений.

Ф. Ф. Вигель рассказывал о своих встречах с ним в Томске:

Он был человек тучный, тяжеловесный, степенный и рассудительный, всю живость ума предоставивший брату своему Александру Семеновичу; лицо он имел багровое, говорил тихо и размеренно, действовал осторожно, однако же не медленно. Если прибавить к тому, что он был самых честных правил и исполнен человеколюбия, то надобно признаться, что лучших качеств для занимаемого им места требовать не можно.

В 1808 году по донесениям бывшего сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля Хвостов был снят с поста губернатора и отдан под суд. Кроме того, на него был получен донос некоего работника канцелярии о медленном исполнении генерал-губернаторского поручения. По первой части обвинение

было снято, а при исследовании дела о несвоевременном исполнении выяснился незначительный срок задержки исполнения. Хвостов был оправдан. Ему выплатили жалованье за всё время продолжения суда. В 1822 году Хвостов был произведён в тайные советники и получил назначение в Сенат, а в 1832 году - во временное общее собрание, в котором оставался до самой смерти.

Помимо государственной деятельности, Василий Семёнович Хвостов известен как литератор. В 1809 году им был издан сборник этнографических и статистических данных "О Томской губернии и о населении большой Сибирской дороги до Иркутской границы". В 1870 году были напечатаны воспоминания Василия Семёновича, написанные им в 1832 году.

Александр Семёнович Хвостов

Александр Семёнович Хвостов (1753 - 1820) был известным в ту пору поэтом и переводчиком, автором довольно скандальных, в духе Баркова, произведений. Родился он в родовом имении Нежово (современное Кежово, Гдовского района). После учебы поступил на службу в коллегию иностранных дел под непосредственное начальство Д. И. Фонвизина, потом был секретарем в Сенате. В 1779 году перешёл в военную службу. В русско-турецкую войну отличился при взятии крепости Измаила, одним из первых взойдя на стену, за что был награждён орденом св. Георгия 4-й степени. После заключения мира в Яссах Хвостов в начале 1793 года был назначен в Константинополь поверенным в делах и оставался в этой должности до февраля 1794 года. Вернувшись в Россию, Хвостов приказом императора Павла I был исключен из службы «за неприбытие к полку» и только со вступлением на престол Александра I снова принят на службу с производством в действительные статские советники. Брат Александра Семёновича Василий в своих воспоминаниях писал о порядочности и отзывчивости старшего брата, но упоминал и о «пылкости характера», которая иногда мешала ему в карьере. В 1804 году Александр Хвостов был произведён в тайные советники и назначен советником Государственного заемного банка, а затем управляющим и занимал эту должность до конца своей жизни. В молодости Хвостов занимался переводами и, начиная уже с 1770 года, печатал свои юношеские труды. Так, еще на школьной скамье он перевёл с латинского комедию Теренция «Андрিয়анка», с немецкого — из географии Бюшинга отдел «Португалия», с французского - комедию в одном действии «Любопытные оборотни» и повесть «Ножка Фаншетина, или Сирота французская». В литературе

Александр Семёнович
Хвостов
Художник
В.Л. Боровиковский

Денис Иванович
Фонвизин

Художник
А.-Ш. Карафф

Хвостов известен более преданием о нём как о счастливом остроуме и тонком эпикурейце, нежели своими сочинениями. Из них только два обратили на себя внимание потомства, а именно: шуточная ода «К бессмертию» («Хочу к бессмертию приютиться») и «Послание к творцу послания», адресованное литератору и дипломату Денису Ивановичу Фонвизину. Уже в 1794 году Хвостов был избран в члены Российской академии, а в январе 1807 года, по просьбе Александра Семёновича Шишкова, он предоставил свой дом для дружеских литературных собраний, из которых к 1811 году выросла «Беседа любителей русского слова». Избранный председателем 3-го разряда «Беседы» Хвостов оказался наиболее энергичным из руководителей и часто брал на себя председательские, хозяйственные и административные хлопоты, связанные с работой Общества.

Он был женат на дочери малороссийского помещика Екатерине Яковлевне Скоропадской (1754—1820), имел двух дочерей: Евдокию и Софию.

Александр Семёнович не пренебрегал возможностью кольнуть эпиграммой своего кузена Дмитрия Ивановича Хвостова, также увлекавшегося поэзией.

Дмитрий Иванович Хвостов

Дмитрий Иванович Хвостов (1757 – 1835) принадлежал к московской ветви Хвостовых. Он был крупным государственным деятелем и одним из поздних представителей поэтического классицизма.

Для всего цвета русского Парнаса первой четверти XIX века Д.И.Хвостов был ходячей мишенью, неизменным объектом веселых насмешек, едкого сарказма, а подчас и откровенных издевательств. Возник едва ли не целый жанр – «хвостовиана». Свое дело сделали и мемуаристы. Воспоминания о Хвостове скорее напоминают сборники анекдотов: граф зачитывает стихами до полусмерти какого-то своего родственника; граф дает в долг Крылову книгами, которые нельзя продать; Суворов на смертном одре упрощает Хвостова больше не писать; граф скупает тиражи собственных сочинений; стихи графа идут на оклейку стен или на производство патронов на острове Ситху; граф раздаривает свои сочинения станционным зрителям по дороге в деревню и т. д. и т. п.

Дмитрий Иванович
Хвостов

Художник
С.С. Щукин

Существует даже лубочная картинка под названием "Стихотворец и чорт", на которой изображен граф Хвостов, удерживающий за хвост черта, бегущего от него, заткнув уши.

Граф работал во многих жанрах, писал комедии и драмы, оды и послания, элегии и сатиры, стансы и басни, эпиграммы и надписи, много переводил. Дмитрий Иванович слыл неподкупным чиновником, бескорыстно помогал деньгами нуждающимся литераторам, которых иногда даже имя слышал впервые. Он был почетным членом многих университетов и обществ. Друзья - А. Суворов, Г. Державин, И. Дмитриев, А. С. Шишков, И. Крылов и другие - считали его умным и честным человеком. У части читающей публики граф пользовался любовью и уважением. В глазах современников Хвостов был, например, достойным соперником Крылова в басне. Дом Хвостова в Петербурге на Сергиевской славился своим гостеприимством: "скатерть тут не снималась с утра до поздней ночи". В зале за длинным столом под малиновым сукном с золотыми кистями устраивались литературные чтения. Страстная любовь графа к литературе и неколебимая уверенность в собственном даре помогли ему с олимпийским спокойствием и даже с некоторой иронией сносить насмешки собратьев по перу.

Екатерина Александровна Хвостова (Сушкова)

Ещё одна представительница рода Хвостовых в литературе - мемуаристка Екатерина Александровна Хвостова (1812 - 1868), урождённая Сушкова, хорошо знавшая Михаила Юрьевича Лермонтова и рассказавшая об их несостоявшемся романе в книге воспоминаний.

В 1838 году она вышла замуж за дипломата Александра Васильевича Хвостова (1809 - 1861). На их свадьбе присутствовал Лермонтов, являвшийся дальним родственником жениха. Издатель мемуаров Сушковой в послесловии приводит пересказ событий, происходивших в доме Хвостовых сразу после венчания: «...рассказывают, что из церкви Лермонтов поспешил прежде молодых в дом жениха и здесь, в суете приёма молодых, сделал оригинальную шалость: он взял солонку и рассыпал соль по полу. *«Пусть молодые новобрачные ссорятся и враждуют всю жизнь»*, — сказал Лермонтов тем, которые обратили внимание на эту умышленную неловкость». Отношения Сушковой и Лермонтова были двусмысленны, поведение поэта в обществе Екатерины Александровны давало повод для различных толков. Если поэт действительно был влюблён в неё, то скрывал свои чувства под маской напускной весёлости, а порой и циничности. Как бы там ни было, но общение Екатерины Сушковой с поэтом оставило в её душе неизгладимый след, а это не могло не быть хоть отчасти взаимно.

Екатерина
Александровна
Хвостова

Муж Екатерины Александровны – Александр Васильевич Хвостов - родился в семье сенатора Василия Семёновича Хвостова (1754 - 1832) и Дарьи Николаевны, урождённой Арсеньевой (1783 - ?), дочери генерал-майора Николая Дмитриевича Арсеньева. У Дарьи Николаевны был брат Дмитрий (1779 -1845) и три сестры: Екатерина, Прасковья (1786 - 1851) и Мария. Дети Николая Дмитриевича приходились троюродными сёстрами и братом Марии Михайловне Лермонтовой, матери поэта. Одна из сестёр - Прасковья Николаевна Арсеньева, в замужестве Ахвердова, дружившая с А.С. Грибоедовым, была матерью Дарьи Фёдоровны Харламовой, владелицы имения Малое Сижно – Архангельское (современное с. Сижно, Сланцевского района). Их дом в Тифлисе посещал Пушкин и многие сосланные на Кавказ декабристы. Александр Сергеевич Грибоедов называл Прасковью Николаевну второй матерью. Именно она способствовала сближению и последовавшей свадьбе Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе.

Николай Исаевич
Ахвердов

Николай Дмитриевич
Арсеньев
1793 год

Василий Семёнович женился на Дарье Николаевне, уже будучи дважды вдовцом. Сестра его первой жены - Екатерина Борисовна Меллер - вышла замуж за Николая Исаевича Ахвердова, доводившегося братом Фёдору Исаевичу Ахвердову – мужу Прасковьи Николаевны и отцу Дарьи Фёдоровны Харламовой.

В семье Николая Исаевича воспитывался старший сын Василия Семёновича – Николай (1793 - 1837), родившийся в первом браке Василия Семёновича с Марией Борисовной Меллер. В 1810 году в возрасте 17 лет он поступил на военную службу. Принимал участие в боевых действиях Отечественной войны 1812 года.

Участвовал во многих сражениях в заграничных походах 1813-1814 годов. В 1818 году вышел в отставку и был определён к статской службе с переименованием в коллежские советники. В 1822 году он женился на Екатерине Никифоровне Пушкиной (1796 - 1864), с которой воспитывал четырёх детей. Внучка Николая Васильевича - Александра Борисовна Хвостова (1853 - 1924) вышла замуж за Константина Александровича Берхмана (1856 - 1920), сына Аделаиды Александровны Берхман, урождённой Блок. И по мужу стала двоюродной тётёй поэту Александру Блоку.

Николай Васильевич
Хвостов

У Василия Семёновича с Дарьей Николаевной было трое детей. Помимо старшего Александра родились ещё сын Дмитрий (1811 - 1860) и дочь Елизавета.

О Елизавете Васильевне почти ничего не известно кроме того, что в 1856 году её день рождения праздновали в доме двоюродной сестры - Дарьи Фёдоровны Харламовой. Фёдор Леонтьевич Трефорт, владелец усадьбы Леонтьевское, 29 декабря сообщил Александру Васильевичу Дружинину: «...27-го числа был вечер у Д.Ф.Харламовой, праздновали рождение Е.В. Хвостовой...».

Дмитрий Васильевич был в звании прапорщика и состоял в масонской ложе. Он был женат на Александре Васильевне Шеншиной (1819 - 1889).

Известно также, что Хвостовы состояли в родстве с Шишковыми, среди них в литературе представлен поэт и друг Пушкина - Александр Ардалионович Шишков, родной брат которого владел совместно с женой усадьбой Большое Сижно – современная деревня Нагинщина, Сланцевского района

Глава IV Усадьба Большое Сижно (Нагинщина)

Возвышенность за оврагом,
на которой располагалась усадьба
Фото из архива В. И. Будько

История деревни Нагинщина уходит вглубь веков. По найденным на её территории кладам монет, датированных в том числе и XI веком, можно судить, что деревня эта имеет практически тысячелетнюю историю. В XVI веке, во времена правления Ивана III здесь находилось одно из трёх сторожевых военных поселений, стоявших на рубеже Московского государства, именуемое Большое Сижно. Нагинщиной в народе его стали называть от имени сиженского наместника Якова Нагина. До середины XVIII века здесь была церковь во имя Архангела Михаила, достоверно существовавшая в 1698 году. Она разрушилась от ветхости. На её месте не стали ставить новую, а отстроили храм в Малом Сижно (современное село Сижно).

В начале XIX столетия владелицей усадьбы Большое Сижно была Дарья Мартыновна Сычевская. В состав её имения входили: Большое Сижно (Нагинщина) и деревни Куклина Гора, Пустынька и Юдино. Согласно

переписным книгам за 1856 год, она владела также частью деревни Вербитово. Дарья Мартыновна вышла замуж за Дмитрия Ардалионовича Шишкова (? -1840) – племянника знаменитого адмирала, министра народного просвещения Александра Семёновича Шишкова и брата Александра Ардалионовича Шишкова, литератора, друга юношеских лет Александра Сергеевича Пушкина.

Александр Семёнович Шишков

Александр Семёнович Шишков (1754 – 1841), адмирал и видный государственный деятель начала XIX века. Занимая высокие посты, он прославился как один из ведущих российских идеологов времён Отечественной войны 1812 года, а также как известный консерватор и инициатор издания охранительного цензурного устава 1826 года. Шишков

Александр Семёнович
Шишков
Художник
О.А. Кипренский

был главным вдохновителем и руководителем сообщества «Беседа любителей русской словесности» и уделял большое внимание развитию как российской, так и общеславянской филологии. Александр Семёнович автор стихов и назидательных сочинений. Из-под его пера вышла книга, представляющая цикл лекций, вдохновлённых его внучатой племянницей Софией Александровной Шишковой, - «Беседа мудрого старца с девицей юной о чувствах и словах», а также «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», «Огонь любви к Отечеству», «Записки» и стихотворения.

Известно, что сестра первой супруги Александра Семёновича Шишкова - Дарья Алексеевны (? – 1825) - Катерина Алексеевна Шелтинг вышла замуж за Александра Ивановича Хвостова - представителя известного в Гдовском уезде дворянского рода. Их дочь Дарья Александровна стала женой Ардалиона Семёновича Шишкова (? -1813) – брата адмирала. В семье Ардалиона Семёновича и Дарьи Александровны Шишковых родились четверо сыновей: Александр (1799 - 1832), Семён, Дмитрий (? -1840) и Владимир. Сын Ардалиона Семёновича Дмитрий и будет впоследствии совладельцем имения жены Большое Сижно.

Сохранилось пасхальное письмо Александра Семёновича Шишкова к жене – Дарье Алексеевне, где, очевидно, он перечисляет ближайший круг своих родных:

Христос Воскресе! Друг мой, Д.А. Христос Воскресе! любезный брат, Ардалион Семёнович, Сашинька, Митинька и Сенюшка. Христос воскрес! Александр Иванович, Катерина Алексеевна, Дарья Александровна, Варвара Александровна. - Скажи в доме у Михаила Михайловича Бакунина, у Марьи Савишны Перекусихиной, что я поздравляю их с праздником и с ними христосаюсь. – Тоже в доме Гаврилы Романовича Державина, Ивана Ивановича Кушелева; и поздравь всех моих приятелей и знакомых, которые обо мне спросят. Я, побывав у всенощной и разговевшись пасхою, уснул; встал и к тебе пишу. Думаю, что сегодня отправлен будет курьер, и для этого намерен заблаговременно приготовить и запечатать моё письмо. Не можешь пожаловаться, что б мало написал. Прощай. Бог с тобою.

Остаюсь твой верный друг А.Ш.

Поскольку в письме не упоминается четвёртый сын Ардалиона Семёновича - Владимир, можно судить, что написано оно было до его рождения. Может быть, и смерть Дарьи Александровны связана с рождением младшего сына. Известно, что Ардалион Семёнович, овдовев и будучи серьёзно больным, переехал вместе с детьми в дом брата.

Находясь в заграничном походе, в 1813 году Александр Семёнович в письмах часто спрашивал супругу о здоровье брата, но вскоре, также в письме, он написал ей рекомендуемый текст эпитафии.

Осиротевшие мальчики воспитывались бездетной доброй тётёй - Дарьей Алексеевной. Но никто из племянников прославленного адмирала не достиг его карьерных высот, по большей части судьбы их были печальны. Бенкендорф характеризовал их как молодых людей «с плохими и развратными наклонностями».

Александр Ардалионович Шишков

Александр Ардалионович Шишков был поэтом и переводчиком. Первоначальное воспитание и образование он получил в доме своего дяди, однако пристрастия и литературные вкусы Шишкова-старшего не передались племяннику. Он рано увлекся сентиментальной, а затем и романтической литературой. На военную службу А.А. Шишков поступил в 1815 году и участвовал в заграничном походе русской армии. Вместе с житейским опытом он вынес из похода и радикальные идеи, сильно огорчившие его

воспитателя. «Он возвратился назад, и вскоре из мыслей и поступков его стало оказываться, что он не уцелел от тех вредных примеров, которые по несчастью врезаются иногда скоро в неопытное сердце и остаются в нём тверже всех долгих наставлений. Все мои представления и увещания бесполезны», - жаловался его дядя генералу А. Е. Ермолову, направляя юношу служить на Кавказ в 1818 году «для исправления». В 1821 году Александр Ардалионович Шишков поссорился с начальством. Результатом этой размолвки стало удаление поэта из Грузии и перевод на Украину, в Одесский пехотный полк. Во время службы Александр Шишков познакомился с А.С. Грибоедовым, Ф. Н. Глинкой, А. С. Пушкиным, В. К. Кюхельбекером (с двумя последними Шишков познакомился в Царском Селе, где был расквартирован Гренадерский полк, в котором он тогда служил). Пушкин посвятил ему дружеское послание «Шалун, увенчанный Эратой и Венерой» (1816), в котором высоко отозвался о стихах Шишкова и отдавал ему первенство. В 1829 году за нарушение по службе Шишков был отдан под суд и уволен в отставку как человек "вовсе неблагонадёжный к службе". Поскольку ему было запрещено проживание в столицах, он поселяется в Твери. «Шишкову иметь постоянное жительство в одной Тверской губернии, поручив местной градской и земской полиции, иметь за поведением его строгой надзор согласно прежней последовавшей по сему предмету высочайшей воли». Александр Ардалионович Шишков трагически погиб в 1832 году в Твери. Он был убит неким А. П. Черновым при обстоятельствах, до конца не выясненных.

Поэт был женат на дочери отставного поручика Твердовского - Екатерине Дмитриевне Твердовской (? -1834), с которой он обвенчался, похитив её у родителей. При поддержке Пушкина вдова Александра Ардалионовича подготовила посмертные "Сочинения" мужа, изданные в 1834 -1835 годах. Известно об одной их дочери - Софии (1824-1867).

Из последнего письма Екатерины Шишковой к мужу становится известно, что она прибыла к Харламовым в Нарву по поводу каких-то имущественных дел. Чтобы Екатерина Дмитриевна могла участвовать в разделе наследства, она должна была получить правильно оформленную доверенность, и в последнем письме просит мужа как можно скорее прислать нужный документ. В момент убийства Шишкова при нём находилось это последнее письмо жены.

Божественный друг мой Саша!

Что мне делать! Научи меня, беззаботные братья, никто доверенность не высылает, а без них нельзя и думать получить что-нибудь, а если, боже сохрани, дядя умрёт, тогда мы решительна ничего не получим, ибо очень явно видно, что это делается для Александра Семёновича вероятно с каких-нибудь видов, а мы и не пользуемся этим временем. К Семёну я теперь пишу и посылаю форму доверенности. К Владимиру я также пишу и посылаю так же форму доверенности, а лучше бы было, чтобы они сами приехали для принятия имения. Им и ждать и хлопотать ничего не надо я всё приготовила, что могла. Им же непременно надо быть для продажи этого имения, ибо одна часть, только Псковской губернии, которая по жребию кому-нибудь одному достанется, остальное же сие вместе, которое продавши можно разделить деньги, а иначе выйдут большие затруднения и даже неудовольствия между Вами. Я теперь у Харламовых и завтра еду в Петербург... «...» ...я сейчас приехала в Петербург «...» С Харламовыми я не могла сделать и не получили и твое письмо и это не более на них подействовало. Владимир прислал доверенность, Семён прислал; да не по форме и ему возвратили, от Дмитрия совсем нету, потому и нам ничего нету...».

Александр Ардалионович был подвержен пагубной страсти – игре в карты и при этом не был удачливым игроком. Регулярно он обращался к Александру Семёновичу с просьбами о материальной помощи, и в первую очередь ему требовались деньги на покрытие карточных долгов. Адмирал, как мог, помогал племяннику. Почти все письма последних лет жизни Александра Ардалионовича к дяде заключали в себе просьбу о помощи. И он был не единственный из братьев, кто нуждался в деньгах. Из переписки можно видеть, что, наконец, терпение дяди закончилось: «...вы все четверо таковы. - пишет в письме дядя, - Я помогал вам, сколько мог, но вижу, что, наконец, вы и меня всего проиграете в карты». «Какой же будет этому конец, и откуда мне взять столько денег, чтобы за всех за вас платить? Братья твои поженились, жены их рожают детей, а они уже по сю пору все свое имение проиграли, к службе ни к какой не способны и скоро должны будут и с семейством пойти по миру. Отца и матери у вас нет, и слава богу! Какую бы вы им приключали горесть, если бы они были живы!».

Известно также, что Александр Семёнович принял участие в судьбе дочери Катерины и Александра Шишковых - Софии и помог устроить её в пансион Смольного института. По окончании института София

Александровна выйдет замуж за гдовского помещика и уездного предводителя дворянства Василия Арсеньевича Семевского. Семевские были владельцами имения Щепец (современный Гдовский район). В дневнике А.В. Дружинина в 1853 и в начале 1854 года также есть записи о Семевских: *«Пересуживали бедного Арсеньича и его супругу. Это лица довольно замечательные...»*. *«Утро вторника прошло почти все в приеме визитов: были Семевские...»*. *«М-те Sophie очень бледна и желта, но глаза!.. Василий Арсеньич глуп, как пуп, – и к тому же черти его дернули завести спор о Рашиели, о трагедии, кончившийся тем, что «Жуковский перевел Илиаду, а Гнедич Одиссею». Хорошо, что Софья Александровна не совсем сведуща сама по этой части; однако, если не ошибаюсь, она в течение беседы немного страдала за своего супруга»*. *«Окрестные сплетники и сплетницы, - запишет Дружинин, - много чешут языки насчет моего приятеля В. А. Семевского и его загадочной супруги, кажется, имеющей некоторое поползновение представлять царицу Гдовского уезда»*, но потом для себя отметит: *«Решительно Гдовский уезд неправ относительно Софьи Александровны: в настоящее время она держит себя отлично и исполняет обязанности хозяйки как нельзя безукоризненнее»*. В 1856 году Дружинин почему-то даёт в своём дневнике такую характеристику: *«Арсеньич опаснее врага»*.

В семье Семевских родились шестеро детей: Александр, Арсений, Евгений, София, Надежда, Василий. Начиная с 1870 года, в течение семи лет В.А. Семевский являлся номинальным редактором исторического журнала «Русская старина».

Дмитрий Ардалионович Шишков,

Мусины-Пушкины

Дмитрий Ардалионович был коллежским асессором, до 1829 года, пока Александр Семёнович Шишков был на посту министра просвещения, служил при дяде. Потом перешёл на военную службу. Известно, что ему, как и всем его братьям, сопутствовала нужда. Он не смог достигнуть высоких чинов и безвестно умер на Кавказе. С женой Дарьей семейная жизнь не складывалась. После отъезда Шишкова на юг, они жили раздельно. Дарья Мартыновна уже начала бракоразводный процесс, когда с Кавказа пришла весть о смерти мужа. У них родились двое детей: Ардалион (1823 – 1895) и Надежда (1829/1830 – 1855).

Надежда Дмитриевна после окончания Смольного института вышла замуж за титулярного советника Леонида Ивановича Мусина-Пушкина (1819 – 1865), сына Ивана Клавдиевича Мусина-Пушкина (1781 – 1822), генерал-майора, героя Отечественной войны 1812 года. Мусины-Пушкины были потомками широкой дворянской ветви, имеющей общий корень с родом А.С. Пушкина. Их предком был Григорий Александрович Пушка – родоначальник Пушкиных. Его правнук Михаил Тимофеевич по прозвищу Муса стал родоначальником Мусиных-Пушкиных. Его троюродный брат Иван Гаврилович – предок поэта – сохранил фамилию Пушкин.

Надежда Дмитриевна с мужем в летние месяцы жили в усадьбе Большое Сижно. Внешность Мусиной-Пушкиной колоритно описывает в своём дневнике А.В. Дружинин: «У Трефорта полон дом народа. ... Но главное, star всего дня была отдаленная соседка наша Надежда Дмитриевна Мусина-Пушкина, сильно понравившаяся мне». «Из всех женщин сего мира, - запишет он в 1855 году, - чувствую я нечто к одной только...». Как пишет исследователь жизни и творчества Дружинина Н.Б. Алдонова, никто кроме Мусиной-Пушкиной на роль увлечения 1855 года не подходит. Александр Васильевич ещё не раз в дневнике упомянет Надежду Дмитриевну: «Вообще летние и осенние месяцы были мне не бесполезны по части изучения женских характеров. Очаровательная Н.Д. М.-П., по всей вероятности, даст мне со временем пищу по этой части...».

Остатки фундамента на территории
бывшей усадьбы
Фото из архива В.И. Будько

Но Надежда Дмитриевна умерла уже, очевидно, в 1855 году при родах или вскоре после рождения ребёнка. Она была похоронена на погосте села Сижно. Надгробие сохранялось до 1980-х годов. Впоследствии, когда началось восстановление сиженского храма и ревизия захоронений на старом кладбище, о надгробной плите Мусиной-Пушкиной осталось лишь предание.

Брат Надежды Дмитриевны – Шишков Ардалион Дмитриевич, полковник артиллерии, прожив долгую жизнь, скончался в Пятигорске и, очевидно, к имению родителей Большое Сижно отношения не имел. Потомства он не оставил.

Владельцем усадьбы с 1862 по 1897 год являлся Л.Л. Мусин-Пушкин. Вероятно, сын Леонида Ивановича и Надежды Дмитриевны. Усадебный дом стоял на возвышении, вниз по тропинке можно было спуститься к живописному пруду и речке Кушёлке.

В книге мемуаров Ивана Тимофеевича Беляева (1875 - 1957) есть упоминание о семье Шишковых. Он рассказывает историю сватовства своего деда – Ивана Андреевича Эллиота к дочери дипломата Леонтия Фёдоровича Трефурта и упоминает имя Дарьи Мартыновны Шишковой, очевидно, назвав неправильное отчество. В книге Беляев приводит слова своей няни, свидетельницы тех событий: *«однажды соседняя помещица Дарья Фёдоровна Шишкова – её Сижна была лишь в трех верстах от Выскотки – дала понять Ивану Андреевичу (Эллиоту), что он имеет все шансы на успех у юной дочери дипломата (Л.Ф. Трефурта)»*. В другом месте, описывая свой путь из Нарвы в Леонтьевское, где находилась усадьба его большой семьи, он оставляет короткий, но печальный комментарий: *«Вот и круглая роца на высоком холме – это Сижна, где жили и умерли Шишковы»*. Вероятно, в памяти автора всплывает история жизни Мусиных-Пушкиных, которые прожили короткую жизнь.

Постройка на месте старого
фундамента

Фото из архива В.И. Бутько

По источнику 1891 года мызой Большое Сижно владел уже некий В.Е. Линденблум, житель Нарвы, а в 1899 году - Р.А. Буре, бюргер из той же Нарвы. В довоенную пору Нагинщина по составу жителей уже считалась эстонским поселением.

Сегодня в Нагинщине от бывшего имения ничего практически не осталось, за исключением нескольких старых деревьев да заросшего пруда, обладающего своеобразным очарованием, словно взирающее из далёкого прошлого водяное око.

Глава V Усадьба Преображенское

На территории современного Сланцевского района, недалеко от Новоселья находится деревня Малафьевка. Когда-то близ неё находилась и усадьба Преображенское, являвшаяся частью нераздельных родовых земель семьи Блоков. В источниках середины XVIII века владельцем деревни указан М.С. Милославский. В начале следующего столетия деревня Малафьевка и смежное с ней сельцо Преображенское (или поле Чоглокова) принадлежат Емельяну Андреевичу Чоглокову, надворному советнику. После своей смерти он оставил большие долги, и наследники вынуждены были вотчину продать. После Чоглоковых владельцем этих земель становится Александр Иванович Блок.

Александр Иванович
Блок

Когда-то с рекою времени росток германского рода Блоков попал в Новгород, а через два поколения ветви его родословного древа уже широко раскинулись над Петербургской и Псковской губерниями. Первые из представителей этого рода приехали в Россию в середине восемнадцатого столетия. Это были братья Христиан Людвиг и Иоганн-Фридрих Блок (1735–1810), будущий прапрадед поэта. На родине он получил прекрасное медицинское образование, а поскольку в то время в империи очень не хватало специалистов-лекарей, это преимущество с дополнением таланта позволило ему быть востребованным и достигнуть звания лейб-хирурга, а в начале правления императора Павла, его возвели в русское дворянство и пожаловали имение в Ямбургском уезде. Иоганн-Фридрих по традиции взял русское имя и стал Иваном Леонтьевичем Блоком.

Лев Александрович
Блок

Одному из его сыновей, тайному советнику, Александру Ивановичу Блоку (1786 – 1848), за заслуги перед отечеством император Николай I подарил земли в Псковской и Петербургской губерниях, а также включил его в своё завещание, в котором просил цесаревича о пожаловании Блоку пенсии не меньшей прежнего оклада содержания. Так же статус А.И. Блока характеризует тот факт, что его портрет писал самый популярный камерный портретист первой половины XIX века Пётр Соколов, художник, создававший портреты почти исключительно высшей аристократии.

Согласно переписным книгам Петербургской губернии за 1856 год владельцем усадьбы Преображенское является сын Александра Ивановича Лев Александрович Блок (1823 - 1883). В те годы он являлся предводителем гдовского дворянства. Был женат на дочери псковского губернатора Ариадне Александровне Черкасовой (1832 - 1900). Сначала семья жила в Пскове, в губернаторском доме, где и родился их первенец Александр, будущий отец

Лев Александрович и Ариадна Александровна
Блок
с детьми Александром и Петром

поэта. Всего же в семье Блоков было четверо детей: Александр (1852-1909), Пётр (1854-1916), Иван (1858-1906), Ольга (в замужестве Качалова) (1861-1900). В 1863 году Л.А. Блок занимает должность председателя казённой Новгородской палаты – органа министерства финансов и переезжает с семьёй в Новгород. По службе он был связан с Николаем Александровичем Качаловым — председателем Губернской земской

управы. Их семьи сблизились и впоследствии дважды породнились. Ольга Львовна Блок вышла замуж за Николая Николаевича Качалова и родила ему шестерых детей: Ольгу (1879 - 1940), Софию (1880 - 1967), Николая (1883 - 1961), Льва (1888 - 1975), Кирилла, Марию (1900 - 1983). А Пётр Львович Блок женился на Александре Николаевне Качаловой. В браке родились трое детей: Марианна (1880 – 1943), Николай (1881 – 1903), Георгий (1888 – 1962). В 1871 году Лев Александрович получает новое назначение в Петербург, и семья переезжает в столицу.

Дети Льва Александровича были очень музыкальны. В их доме часто звучала музыка, и впоследствии старший сын Александр будет завораживать всех своим исполнением Шопена.

Некоторые замечательные подробности из усадебной жизни Блоков нам оставил в своём дневнике Александр Васильевич Дружинин, его усадьба Марьинское находилась недалеко от Преображенского (ныне это деревня Марьинско Плюсского района Псковской области). Литератор познакомился с предводителем дворянства в 1853 году. Он ещё до встречи был наслышан о красоте его супруги, а после знакомства оставляет в дневнике такую запись: *«В пятницу познакомился с Л.А. Блоком и его милой женою. Обедали в Преображенском, пили шампанское и долго беседовали. И имение, и хозяйка мне нравятся...»*. Ариадна Александровна ему действительно понравилась, и он ещё не раз упомянет о её красоте: *«Lacharmante Ariane (прелестная Ариадна) начинает мне нравиться, особенно по своей стройности и сложеню»*. *«В воскресенье обедали у нас ... Вревская и т-те Блок Ариадна Александровна, которая сложена восхитительно»*. *«Вчера провел вечер с Ариадной Александровной, она крайне мила...»*. Дружинин так же познакомился и с двумя сёстрами Льва Александровича: Софией (1820 - 1863) и Аделаидой (1834 - 1900?), и братом Николаем (1822 -?). Старшая сестра Блока София

Пётр Львович Блок

Ольга Львовна Блок,
в замужестве Качалова

тоже произвела на него приятное впечатление: *«Накануне Ильина дня обедали у Вревской с ... Блоком, его женой, сестрой. День прошел приятно, в щелкании языком.... Весьма замечательное лицо старшая сестра Блока, оставшаяся после матери 18 лет и с той поры для всего семейства заступившая место матери. Ее старанием в семействе поддерживается завидное, не притворное согласие, стоящее похвалы и подражания»*. Но вторая сестра Льва Александровича Аделаида Дружинину не понравилась: *«Сестра предводителя, m-lle Adèle, мне не понравилась, я блондинок не люблю, а она уже чересчур блондинка, в немецком вкусе», «... был на обеде у Блока, Льва Александровича, где нашел Н.А. Блока с женой ... m-lles Sophie и Adèle, из которых вторая весьма нехороша и прегадко чешет свои желтинькие волосы»*. В будущем сын Аделаиды Александровны Берхман - Константин Александрович женится на Александре Борисовне Хвостовой, правнучке сенатора Василия Семёновича Хвостова. *«Наконец именинный обед у Оболяниновых; там несколько новых лиц: сестра покойного Николая Петровича ... старый брат Блока, дважды выдержавший холеру и начинавшуюся горловую чахотку...»*. Впоследствии соседи общались и в Петербурге. Особенно часто Дружинина навещал Н.А.Блок, совершавший визиты и по делу, и по личным вопросам: *«Вчера поутру хотел было работать, но, увы!.. явился Ланг, за ним Н.А.Блок, имеющий до меня просьбу»*. В другой раз он запишет: *«Утром был Н.А.Блок, сидел долго, мешал работать и надоел отчасти»*.

Лев Александрович Блок незадолго до смерти вышел в отставку и переехал в Германию. *«Жил он там с женой крайне замкнуто. У него прогрессировала странная душевная болезнь. Всегда свойственная ему мелочная аккуратность обратилась в манию. На все предметы заказывались специальные колпачки и футляры. Л.А. Блок скончался 17 августа 1883 года в Дрездене»*. Похоронен в Петербурге. Ариадна Александровна после смерти супруга вернулась в Россию и жила в семье дочери, в имении Качаловых в Новгородской губернии.

Александр Львович Блок

Старший сын Льва Александровича и отец поэта Александра Александровича Блока – Александр Львович Блок был профессором и деканом юридического факультета Варшавского императорского университета, талантливым учёным–государствоведом, философом, предпринявшим попытку создать целостную философскую систему, построенную на оригинальной классификации наук. Ещё в ранней юности будущий профессор показал себя человеком талантливым и целеустремлённым. Золотая медаль в гимназии, блистательное окончание университетского курса и последующая успешная защита диссертации обещали в нём крупного учёного, а его труды

Александр Львович
Блок

в 80-е годы XIX века вызывали острые научные дискуссии.

Ещё в пору учёбы в университете Александр Львович прекратил общение с отцом и отказался от материальной помощи семьи. Льву Александровичу, потомственному государственному служащему, не нравилось увлечение сына народовольческими идеями, подхваченными юношей в университетской среде. Впоследствии после убийства Александра II Александр Львович пересмотрит свои взгляды. Во время учёбы в университете он жил в меблированных комнатах и обеспечивал себя, подрабатывая учителем. Благодаря состоятельной семье своего ученика, он смог побывать со своим подопечным в заграничном путешествии.

Александра Андреевна
Бекетова

Александр
Львович
с Александрой
Андреевной

Талантливого правоведа хорошо знали в кружках петербургской интеллигенции. Внешностью он походил на Байрона, в речах был глубокомыслен и краток. В доме ректора Санкт-Петербургского университета Андрея Николаевича Бекетова, Блок познакомился с младшей дочерью учёного Асей, Александрой Андреевной, будущей супругой. На первое предложение руки и сердца Ася ответила отказом, после чего Блок перестал посещать их дом. Когда профессор узнал о несостоявшейся помолвке, он убедил дочь пересмотреть своё мнение и убедительно стал просить Александра Львовича возобновить визиты. В итоге в 1878 году молодые обвенчались и уехали в Варшаву, где Блок принял кафедру в Варшавском университете. Но жизнь с молодым профессором оказалась тяжёлой. Он был жесток, вспыльчив и безжалостно требователен как к себе, так и к жене. В 1880 году он приехал с беременной женой в Петербург, где ему предстояло защищать магистерскую диссертацию. В семье Бекетовых не узнали свою весёлую Асю. Её истощённый подавленный вид напугал близких Александры Андреевны. Профессор убедил Блока оставить жену до родов в Петербурге, хотя тот хотел вскоре после состоявшейся блестящей защиты ехать обратно поездом в вагоне третьего класса. Через несколько месяцев Александра Андреевна написала мужу, что больше к нему не вернётся. Отчасти это решение было принято под напором семьи Бекетовых.

По воспоминаниям её сестры – Марии Андреевны Бекетовой, Александра ещё колебалась. Александр Львович много сделал для её развития, с ним она лучше узнала литературу и философию, но ради сына, ради безопасности, Александра Андреевна приняла решение развестись. Новорожденного сына Александра крестили 28 декабря 1880 года в церкви при Петербургском университете, восприемниками были Лев Александрович Блок и Елизавета Григорьевна Бекетова. Ещё на протяжении девяти лет после расставания, Александр Львович не давал согласия на развод, хоть Александра Андреевна

и просила его об этом, поскольку хотела вступить в новый брак. Официально развелись они только в 1889 году, когда и Александр Львович в Варшаве влюбился и захотел сделать предложение будущей второй жене Марии Тимофеевне Беляевой (1866 – 1922). Она происходила из семьи владельцев имения Леонтьевское, что расположено рядом с принадлежавшим Блокам Преображенским. Но с будущим мужем Мария Тимофеевна познакомилась только в Варшаве. Об истории второго брака Александра Львовича будет рассказано далее в разделе, посвященном Леонтьевскому.

Впоследствии после развода родителей поэта вся семья Блоков-Качаловых, живущая в Петербурге, информировала Александра Львовича о жизни его сына. Через бабушку, Ариадну Александровну, Александр Львович передавал сыну деньги, а после её смерти просил об этом брата Петра. Старшие дочери Ольги Львовны Качаловой Ольга и София сблизилась с двоюродным братом, поэтом А.А. Блоком, уже в студенческие годы. Впоследствии София Николаевна Тутолмина (Качалова) оставит ценные воспоминания о поэте. Сын Петра Львовича Георгий Петрович Блок, известный историк и литературовед, близко познакомился с двоюродным братом уже после революции. Он так же сохранит в памяти встречи и разговоры с А.А. Блоком и опишет их в очерках «Герои Возмездия».

«Однажды, - вспоминала Е.С. Герцог, дочь близкого друга Александра Львовича Блока в Варшаве, - А. Л. пришёл к нам какой-то торжественный, праздничный. Глаза его мягко светились. Он сказал нам, смущённо и радостно улыбаясь: - А я - дедушка! У сына ребёнок родился. Значит, мой род не погибнет...». Но ребёнок умер, прожив всего 8 дней. Это было в 1909 году. В декабре того же года скончался и Александр Львович.

Александр Александрович Блок. Отец и сын.

Известного потомка рода Блоков – поэта Александра Александровича Блока традиционно связывают с фамилией Бекетовых и их домом в Шахматово, определяя становление личности поэта влиянием его матери, Александры Андреевны (во втором браке Кублицкой-Пиоттух), поскольку родители поэта разошлись сразу после его рождения, и с отцом мальчик виделся мало. Но при этой сухой биографической выдержке упускается из виду то, что Александра Андреевна в своё время училась и формировала свои суждения под влиянием своего первого мужа, отца поэта. Близкие друзья и родственники матери и сына замечали их равноправность в общении, а порой сама Александра Андреевна прислушивалась к сыну в решении тонких, духовных вопросов. Они были едины. Но кто от кого питался – росток от корня, или корень от ростка? Александр Блок был как привой на сильном

древе рода Бекетовых, но, говоря о характере поэта, о его поэтическом начале, в первую очередь следует обратить внимание на его отца.

По-настоящему своего отца Блок узнал только на его похоронах. Для него стало откровением, какой глубокой и сложной личностью был Александр Львович Блок. Ранее, в коротких встречах в Петербурге и в переписке общение их сводилось к решению бытовых, денежных вопросов (отец регулярно отправлял сыну запрашиваемую сумму) и коротким отчётам сына о здоровье и успехах в учёбе. Порой чужая, сумрачная фигура отца пугала мальчика, довольно витиеватый стиль письма удивлял, а позже он казался юноше просто скучным. Но после смерти отца, в декабре 1909 года, поэту заново открылась его личность. Из отзывов узкого круга друзей и единомышленников отца Блок обрисовал себе образ человека широко образованного, талантливого, если не гениального, и главное, что он вынес из этой последней «встречи», было их неискоренимое сходство.

Александр Львович
Блок

(«Выродился» ли он из семьи Блоков?). Он был сын своего отца – и это новообретённое чувство, которое он привёз с собой из Польши в Россию, требовало выхода в осязаемом, стихотворном оформлении. Из этого родился план поэмы «Возмездие». В написанном в 1919 году предисловии к третьей главе поэмы, так и оставшейся неоконченной, автор скажет: «Такова была жизнь чертежа, который мне рисовался, - в сознание и на слова я это

Александр
Александрович
Блок

стараюсь перевести лишь сейчас; тогда это присутствовало преимущественно в понятии музыкальном и мускульном», - и эта ремарка подтверждает сходство их поэтического, а точнее музыкального начала. Известно, что, помимо сложных по стилю изложения и глубоких по содержанию лекций о вопросах международного права, Александр Львович работал над «главным» своим трудом – классификацией наук. Ученик и друг профессора Е.В. Спекторский утверждал: «Александр Львович был убеждён, что у каждой мысли есть только одна действительно соответствующая ей форма выражения. Годами переделывая свой труд, он и искал эту единственную форму, преследуя при этом сжатость и музыкальность (ритмичность, размеренность). В процессе этой бесконечной переработки он стал, в конце концов, превращать целые страницы в строки, заменять фразы отдельными словами, а слова — знаками препинания. При этом он не замечал, что «его работа становится всё более и более символистической, ещё понятную для ближайших учеников, но для широкого круга непосвящённых уже совершенно недоступною». Поэтому предсмертное желание Александра Львовича, чтобы его многолетний труд был издан хотя бы в незаконченном виде, не могло быть осуществлено.

Почти через десять лет после появления замысла поэмы «Возмездие» Александр Блок в том же предисловии к незавершенному, но претенциозному труду, словно оправдывает себя: «Не чувствуя ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в года, когда революция уже произошла, я хочу предпослать наброску последней главы рассказ о том, как поэма родилась, каковы были причины её возникновения, откуда произошли её ритмы...». Далее, описывая многособытийную эпоху, он не называет главной причины, пробудившей в нём замысел поэмы, - это заново узнанная фигура отца и переосмысление своей собственной жизни. Но не это главное в этом странном предисловии, (он опасался узнаваемых биографических параллелей) а то, почему же поэт не смог завершить поэму раньше. Тема была неподъёмна или ноту не смог подобрать к лицу, имени, жесту. Как бы то ни было, но в ряд произведений «Онегин» – «Кому на Руси жить хорошо?» поэма не встала, хотя по завершённости вполне могла бы. Главный же труд Блока-сына, как он сам её называл, - поэма «Двенадцать» - суть песня, порою символистично-краткая до предела. После Блок ничего не писал. Из свидетельств современников профессора и определения поэтом творческого пути в работе над произведением мы можем видеть, что «символистичность» - это не только о поэзии сына, а мучительные попытки идеальной вербализации музыки - это не только болезненная черта отца.

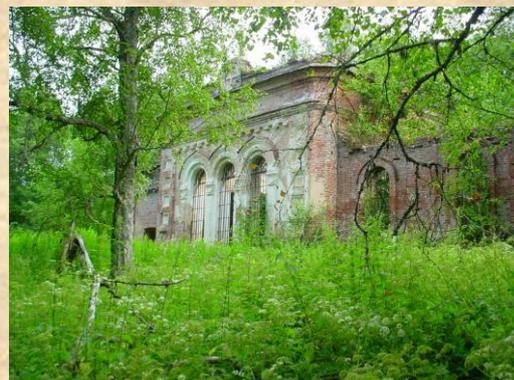

Обложка книги
1922 год

Иван Львович Блок

После смерти Льва Александровича усадьбой владел его младший сын Иван Львович Блок (1858-1906). Он был земским деятелем, служил в ведомстве Министерства внутренних дел. Женился на дочери гдовского помещика Марии Митрофановне Орловой (1866 – ?), в семье родились шестеро детей: Антонина (1882- ?), Людмила (1884- ?) Ариадна (1885- ?), Ольга (1890- ?), Иван (1893- ?), Лев (1897- ?). Известно, что дочери появились на свет в Гдове.

В 1896 году Иван Львович пожертвовал участок земли в деревне Шавково, что рядом с Малафьевкой, под строительство церкви. В 1899 году храм был выстроен. Инициатор этого строительства был местный житель Василий Евстифеевич Евстифеев. Предыстория этого благого дела была

Руины храма в Шавково

печальна – умер сын Василия Евстифеевича, юноша семнадцати лет, и отец решил в память о нём выстроить храм. Землевладелец, жизнь которого вместе с семейством вскоре будет обустроена вдали от родового гнезда, вероятно, с удовольствием поддержал начинание. Но, к сожалению, церковь, которая, как можно увидеть из фотографий, была довольно масштабна и интересна в архитектурном решении, предстаёт перед нами сегодня только в руинах.

Тесть И. Л. Блока, Митрофан Васильевич Орлов, занимался заготовкой и поставкой леса на различные строительные объекты. Сохранилась квитанция, где говорится о выплате Орлову денег за предоставленный материал для строительства моста.

«По сметам 1878 и 1879 гг. произвели выплаты на северном участке уездного дорожно-мостового строительства: гдовскому землевладельцу М.В.Орлову, за поставленный лес для постройки нового моста в д. Гусевой Горе, в числе 23-х дерев 5 вершков, за временную починку этого моста весной 1878 г. и за заготовку леса на исправление остальных мостов и труб на участке дороги от Завражья до п. Рудно - 50 руб. Отчет Земской управы Гдовского уезда (1.07.1878 - 1.07.1879).СПБ. 1879»

Иван Львович Блок

С 1891 года Иван Львович занимал пост председателя Екатеринбургского уездного съезда. В разные годы служил уфимским вице-губернатором, занимал ту же должность в Бессарабии, в Гродно. В феврале 1906 года был назначен губернатором в Самару, где и погиб от бомбы террориста в июле того же года.

Из докладной записки экс-главы самарских жандармов генерал-майора Каратаева: *«Покойный губернатор г. Блок вообще себя не берег, и как бы бравировал опасностью, часто безо всякой охраны являясь на встречи. Я просил его быть осторожным, он же отвечал, что если уж суждено умереть, то уберечься трудно. Говорил я неоднократно и полицмейстеру убедить губернатора быть осторожным, но и его предупреждений г. Блок тоже не слушал».*

Через день после гибели отца его старший сын принёс в гимназию пистолет и застрелился на глазах у одноклассников, а младший от пережитых потрясений стал сильно заикаться, что помешало ему продолжить учёбу. Впоследствии он работал всю жизнь в конюшне.

Согласно переписным книгам по уездам и станам за 1899 год Иван Львович ещё является владельцем Преображенского, но после 1900 года упоминания в имеющихся источниках нет.

Глава VI Усадьба Леонтьевское

На карте современного Сланцевского района, в южной его части можно найти две деревни – Леонтьевское и Заовражье. Ныне они относятся к Новосельской волости. А в начале XIX столетия, когда не было ещё Новоселья, а будущее Леонтьевское называлось Выездок или Проходилово, территория эта состояла из пустошей, усадищ и малых деревень, во многих деревнях были дворы, принадлежавшие разным хозяевам.

Владельцами исчезнувших с карт, ушедших в историю вместе с обитавшими там поколениями крестьян, выветренных с самой земли деревень, здесь когда-то были ландрихтер Яков Никитич Римский-Карсаков и генерал-майорша Настасья Фёдоровна Пантелеева, некто Трофим Петрович Скобелцын и Иван Семенович Снурчевский.

Упомянутый отставной поручик И.С. Снурчевский в 1825 году владел усадищем Заовражье. Так писало историю время, стирая прежнее и вписывая на старое место новое имя.

Немногим ранее 1825 года часть имения Снурчевских покупает Леонтий Фёдорович Трефурт (1772 - 1848) – дипломат, сотрудник цифирного отделения министерства иностранных дел и секретарь по секретной переписке Александра Васильевича Суворова в период Итальянского похода. Из разрозненных дворов и пустошей, купленных у соседних малоземельных помещиков, он собрал своё имение. И в 1841 году заказал «геометрический специальный план С. Петербургской губернии Гдовского уезда Рудненского погоста дачи третьей части деревни Гверёзны Горка тож называемой сельцо Проходилово с пустошью Слуткою с принадлежащими к нему всеми землями, которые во владении состоят Тайного советника и кавалера Леонтия Фёдоровича Трефурта». Небольшое имение, где Леонтий Фёдорович выстроил новый усадебный дом, именовалось Выездок или Проходилово. Впоследствии его потомками оно будет переименовано в более благозвучное - Леонтьевское. Таким образом, в Гдовском уезде возникло ещё одно родовое гнездо, принимавшее без малого сто лет большую семью из четырех фамилий: Трефурты, Эллиоты, фон Эндены и Беляевы.

История усадьбы красной нитью прошла сквозь жизнь трёх поколений этого рода, в котором были как крупные военные и государственные деятели, так и тихие, но не менее великие подвижники духа, какими были Мария Тимофеевна Беляева, в замужестве Блок, вторая жена отца поэта, и её дочь - Ангелина Александровна. Их имена неизбежно связываются с Александром Александровичем Блоком, посвятившим своей сводной сестре поэму «Ямбы». Интересным является тот факт, что усадьба деда поэта, Льва Александровича Блока – Преображенское, находилась совсем близко от Леонтьевского, но познакомилась Мария Тимофеевна с будущим мужем, Александром Львовичем Блоком, только в Варшаве.

О жизни трёх поколений своей семьи с любовью рассказал в своих мемуарах брат Марии Тимофеевны – Иван Тимофеевич Беляев. Он известен как генерал Белого движения, впоследствии в эмиграции ставший героем

Парагвая, в жизни ещё и этнолог, и исследователь языка индейцев Чако. В замечательной по своему содержанию книге воспоминаний, названной «Записки русского изгнанника», суждения от лица генерала Белой армии о причинах постигнувшей страну катастрофы предваряет описание картины быта обитателей усадьбы Леонтьевское, виденные им ещё в детстве. И, рассказывая о людях, он придаёт большое значение самой усадьбе. На примере своего брата Михаила, о котором он говорит, что первой и последней его любовью являлось Леонтьевское, можно увидеть сколь велико в их семье было значение родового гнезда – где берут своё начало первые, самые искренние и сильные чувства. Но это будет потом, а изначально...

Леонтий Фёдорович Трефурт

Леонтий Фёдорович (Отто Лудольф) Трефурт родился в Нарве в семье Фридриха Лудольфа и Гедвиги Доротеи Трефурт. Его отец был пастором и состоял ассессором при Нарвской духовной консистории. В 1794 году он был возведён в дворянское достоинство Священной Римской Империи. В семье было трое сыновей: Леонтий (1772-1848), Фёдор (1776-?), и Александр.

Старший сын ассессора духовной консистории – Леонтий, сделал блестящую карьеру. Он состоял при Коллегии иностранных дел. За десять лет службы аккуратный и усидчивый переводчик приобрел хорошую репутацию. Настолько хорошую, что когда Александру Васильевичу Суворову в его Швейцарском походе понадобился секретарь по иностранной переписке, то выбор пал на Трефурта. В этом качестве, в составе Русской армии Леонтий Федорович перенес все невероятные тяготы альпийского перехода.

С 1802 года по 1812 Леонтий Федорович состоял на дипломатической службе, был генеральным консулом в Данциге. За это время он успел жениться, его женой стала Елизавета Степановна Лавинская.

Иван Беляев в своих воспоминаниях так описывает переезд своего прадеда в приобретенное имение, состоявшийся в 1828 году: "Старик с женой и детьми, тремя мальчиками и девочкой, поселился в имении в крошечном "Новеньком домике", выстроил прекрасные барские хоромы со службами, разбил парк с прудами, садами и огородами и обнес его высоким валом, оцетинившимся желтой акацией". Кроме того, он добавляет: "Из троих сыновей Леонтия Федоровича остался в живых лишь один, прочие умерли в ранней молодости". Действительно, до преклонных лет дожил лишь младший сын Трефурта - Федор Леонтьевич (1807 - 1871). Но и старший сын – Александр умер в зрелом возрасте, во всяком случае, ему было не менее сорока пяти лет. И только средний сын, мы не знаем его имени, умер лет сорока от роду. Этот возраст также не может считаться ранней молодостью.

Далее Беляев пишет: "Старших детей снарядили в Петербург в гвардию. За ними потянулись три подводы с серебром, бельем и посудой. Но они доехали только до Нарвы, где все было спущено талантливыми учениками екатерининского вельможи. Пришлось отправить их на Кавказ, где оба погибли от лихорадки на черноморской линии".

На самом деле на Кавказ был отправлен только средний сын, старший Александр все же послужил в гвардии.

Семья Трефурт-Эллиот. Дружинин.

Дочь Леонтия Федоровича Трефурта - Елизавета вышла замуж за Ивана Андреевича Эллиота (1802-1888), представителя старинного шотландского рода. Он был сыном контр-адмирала Андрея Ивановича Эллиота, приехавшего в Россию в 1783 году по приглашению Екатерины II для воссоздания российского флота.

С будущим мужем Елизавета Леонтьевна познакомилась в имении отца. Однажды, когда Леонтий Фёдорович гулял с дочерью, они встретили роту Прусского полка, направлявшуюся в деревню Выскатку. Во главе шли три молодых офицера: два брата Эллиот и их младший товарищ Глас. Роту пригласили расположиться на отдых в усадьбе. Позже офицеры не раз посещали дом гостеприимного дипломата. По рассказам Ивана Тимофеевича Беляева, соседка Трефуртов Дарья Мартыновна Шишкова однажды сказала Ивану Андреевичу Эллиоту, что он имеет все шансы на успех у юной дочери дипломата, на что тот ответил ей: «— Куда мне свататься за нею, не сегодня-завтра опять на штурм Праги или турецкой границы, в 32 года я уже не жених». Но она уверила его в успехе и подкрепила его решимость, сказав, что Леонтий Фёдорович, имея большие связи, позаботится о будущем зятя. Аргумент подействовал. «Иван Андреевич после робкого начала разговора встретил радушие и поддержку Трефурта:

«— Леонтий Фёдорович, я хотел бы поговорить с вами наедине», — сказал он старику при следующем визите.

— Помилуйте, Иван Андреевич, — отвечал тот, смеясь, — ведь мы и так, кажется, одни. Что такое вы желаете мне сообщить? Ну, конечно, с радостью! А о чувствах своей дочери я уже знаю. На большое приданое вам рассчитывать не придётся, я ведь снарядил троих сыновей в гвардию, но будущее ваше будет вам обеспечено. Мы вас устроим в кадетский корпус, так как Лиза уже не захочет отпустить вас на войну...».

Молодых венчал в Леонтьевском приезжий пастор. На торжестве играли полковые музыканты, в небо запускали фейерверки и даже стреляли из турецкой пушки – трофея, привезённого Дмитрием Ардалионовичем Шишковым.

После свадьбы Елизавета Леонтьевна с мужем жили в Выскатке, там же родилась дочь Елизавета. А позже они переехали в Петербург, куда получил

новое назначение Иван Андреевич. Всего же в их семье родились 9 детей: Эллиот Елизавета Ивановна (20.08.1835 – 13.07.1904), похоронена в Санкт–Петербурге на Смоленском православном кладбище;

Эллиот Генриетта Ивановна (24.01.1837 - 08.06.1904), незамужняя, детей не было, похоронена в Санкт–Петербурге на Смоленском православном кладбище;

Эллиот Александра Ивановна (04.12.1840 - 1913), в замужестве Стефанович, от брака имела дочь Зою и сына Константина. Стефановичам принадлежало гдовское имение Посконкино;

Эллиот Елена Ивановна (10.10.1842 - 1920), замужем за действительным тайным советником, депутатом Санкт-Петербургской думы от Гдовского уезда Николаем Николаевичем фон Энденом;

Эллиот Мария Ивановна (05.08.1844 - 24.04.1875), замужем за Тимофеем Михайловичем Беляевым;

Эллиот Евгения Ивановна (18.01.1846 - после 1900);

Эллиот Леонтий Иванович, (05.01.1848 - 13.03.1888), полковник лейб-гвардии Финляндского полка, похоронен в Санкт–Петербурге на Смоленском православном кладбище;

Эллиот Федор Иванович (02.08.1849 - после 1905), генерал-майор, командир 1 бригады 41 пехотной дивизии артиллерийского полка;

Эллиот Луиза-Ольга Ивановна, 30.01.1853 г., умерла в младенчестве

Елизавета Леонтьевна после смерти отца владела имением совместно с братом Фёдором, который в 1850 году уволился с военной службы по болезни и до 1861 года подолгу пребывал в Леонтьевском, уезжая в Петербург лишь на зимние месяцы. В этот период он сблизился с помещиком соседнего имения Марьинско, литературным критиком, писателем и издателем Александром Васильевичем Дружининым. Фёдор Леонтьевич вошёл в узкий круг деревенских друзей писателя. Они часто посещали дома друг друга, и общение их было обоюдно приятным. Дружинин называл Трефурта милейшим мнительным чудаком и находил в нём приятного собеседника. Мнительность Фёдора Леонтьевича заключалась в отношении к своему здоровью, он очень внимательно следил за переменами в самочувствии и сам назначал себе лекарства: *«один раз, - пишет Дружинин, - он заставил его (врача) прописать себе от головной боли мускусовые порошки, принял их и стал здоров. На мой вопрос, кто же вам это*

посоветовал? – он только сделал жест около головы, показывая, что то было делом вдохновения!».

Александр Васильевич так же имел возможность познакомиться с Елизаветой Леонтьевной и её мужем. В сентябре 1854 года Дружинин запишет: *«Наутро явился Трефорт с мужем своей сестры, который накануне только приехал в отпуск и наслаждается 28 днями свободы так, как я, бывало, ими наслаждался».* Общение их было довольно тёплое и неформальное: *«...Обедали у Трефорта, болтали, смеялись, пили и даже пили более чем бы нужно...».* *«В пятницу и в субботу были у меня «...», Эллиот и Трефорт, которого чем больше узнаешь, тем больше любишь. Много ели, болтали и пили, вытянули, между прочим, бутылку бургонского, стоявшую в нашем погребу около 15 лет».* Именно о Фёдоре Леонтьевиче, как о хорошем хозяине, запишет в своём дневнике писатель: *«Трефорт живёт именно так, как следует жить в деревне осенью, – в доме у него такая чистота, такое изобилие! Всюду камин, цветы, мягкие диваны, древняя мебель, везде обстановка доброго, отдыхающего чудака».*

Но помимо уютного интерьера, и сама усадьба отвечала комфортному быту хозяев - в Леонтьевском был выстроен прекрасный двухэтажный дом. При доме располагались все необходимые службы. В имении традиционно находился парк, украшением которого был пруд с живописным водным каскадом, образованным из камней запруды.

Однако по воспоминаниям Ивана Тимофеевича Беляева, крестьяне не любили Фёдора Леонтьевича, видимо он отличался жёстким крепостническим характером хозяйствования: *«Насколько крестьяне боготворили прадеда и его дочь, настолько ненавидели её брата, воспитанного в аракчеевской школе».*

Общение Дружинина с таким «весёлым чудаком» пришлось на благополучные 1850-е годы, «но после отмены крепостного права, - пишет Беляев, - уже полковником в отставке, он бросил имение, уступил его сестре и умер в Петербурге». Детей у Фёдора Леонтьевича Трефурта не было.

По свидетельству Ивана Тимофеевича Беляева, Леонтьевское посещали писатели Тургенев и Некрасов. Исходя из того, что Трефурт и Эллиот близко общались с Александром Дружининым, можно предположить, что приезд знаменитых литераторов в Леонтьевское мог состояться в 1854 году, когда Тургенев и Некрасов приезжали в Осьмино к Маслову и в Марьинское к Дружинину. Григорович же гостил в Марьинском в 1855 и 1856 (?) годах.

А тогда, как пишет Беляев о семье Эллиот, «в дни их молодости», до отмены крепостного права, «старикимели несравненно больше средств, и летом в их имении всё время давались спектакли и устраивались всяческие увеселения». Тургенев, по рассказу Ивана Тимофеевича, отметил красоту одной из дочерей Эллиот – Александры, он называл её «настоящей греческой богиней». Дружинин, в свою очередь, в свойственной ему манере отзывался о двух других девушках и самой хозяйке: *«... Сестра его, больная, очень добрая особа, две ее дочки недурны, стройны достаточно, а вторая, Генриэтта*

по имени, довольно мила в разговоре. Я много говорил с ней про Смольный и подшучивал над нравами бывших ее подруг ...».

Известно, что Елизавета Леонтьевна лечила своих крестьян, «пользуясь громадным жизненным опытом, с помощью обширного лечебника князя Енгальчева. В благодарность они приносили ей яйца, масло и ягоды».

Чета Эллиот жила в мире и согласии, а благодаря взаимоуважению и нежности родителей, их дети и внуки были напоены любовью. Из воспоминаний И.Т. Беляева: «Дедушка прослужил 40 лет, и последние годы провёл в Леонтьевском вместе с бабушкой, которую обожал и желания которой считал для себя законом».

Сёстры и братья Эллиот. Лето в Леонтьевском.

Замуж вышли только три сестры Эллиот. Красавица Александра стала женой Константина Константиновича Стефановича, «по политическим причинам не окончившего университет». Карьера его развивалась в пределах Гдовского уезда. В разные годы Стефанович служил секретарём земской управы Гдовского уезда, мировым судьёй, коллежским регистратором, а также исполняющим обязанности Гдовского уездного исправника. В ноябре 1902 года ему был присвоен чин статского советника и вице-губернатора Люблинской губернии Царства Польского.

Его брат - Павел Константинович Стефанович был предводителем гдовского дворянства в предреволюционные годы.

Константин Константинович увлекался охотой. По воспоминаниям И.Т. Беляева, «он застрелил немало медведей и выращивал медвежат на дому. Но ещё более его (дядю) интересовали барсуки, которых немало водилось в Посконкине. Из их превосходного сала тетя Адя (Александра Ивановна) готовила чудесное мыло. Для охоты на них он завел пару породистых такс, которых раздобыл у Сперанского из Царской охоты».

Усадьба Стефановичей Посконкино находилась недалеко от Леонтьевского. В их семье было двое детей: сын Константин (1879 - ?), ставший военным врачом, и дочь Зоя.

Кроткая Елена Ивановна Эллиот вышла замуж за Николая Николаевича фон Эндена (1845 - 1909), выпускника училища правоведения, состоявшего на службе в Сенате.

С 1882 года он являлся действительным членом Общества садоводства, его руками в усадьбе было высажено много экзотических пород деревьев и кустарников. У Елены Ивановны и Николая Николаевича родились три дочери: Елена, Наталия и Любовь.

Мария Ивановна Эллиот стала женой потомственного военного, артиллериста Тимофея Михайловича Беляева. (1843-1915). Впоследствии он станет генералом артиллерии, а в 1903 году получит назначение на пост коменданта Кронштадтской крепости.

Мария Ивановна скончалась на пятый день после рождения сына Ивана, оставив мужу пятерых детей: Марию (1866 - 1922), Сергея (1867 - 1923), Михаила (1869 - 1951), Владимира (1873 - 1942), Ивана (1875 - 1957). В своих мемуарах Иван Тимофеевич упоминает ещё одного брата – Женю, умершего в младенчестве и похороненного на рудненском погосте: «вот <...> Рудненский погост, где подле церковной стены покоится мой маленький братишка Женя, о котором так плакала мама».

Часть забот о младших братьях с первых дней после смерти мамы взяла на себя старшая дочь Мария. Из воспоминаний И.Т. Беляева: «Старшая сестра Махочка — ей было всего 9 лет — пыталась

заменить нам маму. На неё перенесли мы всю свою нежность, любовь и благословение. До рассвета она собирала нас к себе, одевала, учила молиться, разогревала на свечке кусочки сахара и наделяла всех мальчиков, тихонько сидевших вокруг ночника. С годами это чувство росло и превратилось в рыцарское поклонение. Одно слово «Махочка рассердится» прекращало все шалости, но Махочка никогда не сердилась».

Через год после смерти жены Тимофей Михайлович вновь женился. Во втором браке у него родились ещё трое сыновей: Николай (1878 - 1955), Тимофей (1880 - 1918) и Александр. Сначала старшие дети жили вместе с отцом, но после его назначения в Варшаву, в 1879 году, их отправляют к дедушке и бабушке Эллиотам, где, по словам Ивана Тимофеевича, их окружила та душевная теплота и неподдельная любовь, в которой они нуждались после смерти матери.

Три незамужние сестры, но в большей степени две из них - Елизавета и Генриетта, стали ангелами-хранителями осиротевших детей Марии Ивановны. С огромной благодарностью о них вспоминает Иван Тимофеевич Беляев: «главную роль в нашей жизни играли незамужние тётки. «Редко у кого найдется такая мать, как эти две ваши тётушки», — повторяли все кругом. И это была чистая правда».

Елизавета, «любимица бабушки и носительница всех семейных преданий», «безалаберная в жизни, но талантливая и познаниями далеко превосходящая сестёр», - как пишет о ней племянник, - получила образование в пансионе известного педагога, литератора Михаила Борисовича Чистякова, который в свою очередь учился в Московском университете вместе с Белинским. Она прекрасно рисовала и посещала художественную академию. Иван Тимофеевич вспоминает портрет своей мамы, написанный её рукой и «несколько прелестных этюдов в карандаше». «Свое искусство, - пишет Беляев, - она передала моему брату Мише и отчасти мне. Заразила она меня и своей ненасытной жадью к просвещению и широтой гуманных взглядов. Резкая и деспотичная, она не выпускала меня из своей комнаты».

полковникъ
ТИМОФЕЙ МИХАЙЛОВИЧЪ
БЕЛЯЕВЪ,
1882.

Тимофей Михайлович
Беляев

Генриетта, «спокойная, сосредоточенная и выдержанная», - как описывает её Иван Тимофеевич, после окончания Смольного института подрабатывала уроками музыки. Она учила племянников играть на рояле и посвящала себя заботам о здоровье детей: «укладывала спать, умывала и одевала, водила гулять. Когда она отлучалась ненадолго, - вспоминает Беляев, - я тосковал и горячо молился Богу о её возвращении».

Евгения, как вспоминает Иван Тимофеевич, «приносила «...» величайшую пользу своим систематическим и настойчивым преподаванием: всех без исключения детей она готовила по программам в корпуса и гимназии, готовила по выработанной рутине, восполняя все пробелы и не давая уклоняться от нормальных требований. Сердца в эти занятия она не вносила, к урокам относилась формально, но безукоризненно».

Сыновья Ивана Андреевича и Елизаветы Леонтьевны Эллиот служили в Финляндском полку. В имение приезжали редко и, видимо, не обладали столь сильной духовной связью с домом. Иван Тимофеевич Беляев в мемуарах с горечью отмечает характер отношения братьев Эллиот к родовому гнезду: «все три семьи мечтали о Леонтьевском, но после смерти мамы и отъезда отца в Варшаву остались только две кандидатуры. Братья, особенно после турецкой войны, погрязли в долгах, имение было заложено и перезаложено, и они мечтали только использовать остатки, чтоб спастись от скандала».

Семьи Эллиот, Энденов, Стефановичей и Беляевых неизменно собирались летом в Леонтьевском. С особой теплотой, в ярких красках Иван Тимофеевич описывает летние каникулы в усадьбе.

«Поездки в деревню, - пишет он, - были самыми светлыми воспоминаниями детства. И когда кучер, тыкая кнутом в ту часть горизонта, где в чаще зеленые верхушки виднелась красная крыша нашего дома, произносил: «Уже видать Леонтьевское», — мы не знали, что делать от охватывавшего нас восторга».

«Первым транспортом, - рассказывает Беляев, - в деревню отправлялись дедушка с бабушкой, и мы с тетей Лизоней». «А там уже ждут нас все постоянные обитатели: прислуга, собаки, кошки — словом, все, кого мы покинули здесь осенью.

— А мы уже заждались вас! Подите в столовую, там уже все готово: и домашний хлеб, и сухарики, и чудные булочки, и масло... Сливки-то какие! В Питере таких, почитай, не видывали! А кофей сейчас подадим.

В предбалконной зале накрыт широкий раздвижной стол. В ней прохладно и легко дышится после зноя и дорожной пыли. Со стен сурово смотрит портрет старого адмирала и улыбается прелестное личико его сына, теперь уже восьмидесятидвухлетнего старика. Глядят олеографии, изображающие долину Рейссы, и знаменитый Чертов мост, который, по словам прадеда, суворовские герои восстанавливали под пулями, перевязывая его офицерскими шарфами. Старинные английские часы с гирями бьют двенадцать. Мы дома. Наконец-то!!!

Чуть позже Евгения и Генриетта привозили братьев. Приезжала старшая Мария – «Махочка, обожание и кумир всей семьи». «...» «Тётя Адя (Александра Ивановна Стефанович) привозит своих Коку и Зою, тетя Леля (Елена Ивановна фон Энден) — трех девочек: Лелю, Наташу и Любу. Закончив в сенате сессии — он теперь там — является дядя Коля, и с ним начинаются дальние прогулки за ландышами, за кукушкиными слезками. В результате все влюбляются друг в друга: старшие — в Зою, потом в хорошенькую, но недалекую Лелю и наконец, в младшую — Любу, которая очаровывает своим удивительным цветом лица и огромными удивленными глазами».

По примеру увлечённого садоводством отца, дети Николая Николаевича фон Эндена проводили время в саду и огороде: «Эндены роются в огороде, где под руководством своего папы разводят редкие сорта крыжовника, смородины, устраивают парники». Совместные прогулки за цветами, собирание ягод, купание, позже «тихая охота» - походы за грибами – дети всегда находили себе занятие. «Каждый по-своему старался использовать драгоценное время,» - пишет Иван Тимофеевич.

С середины августа начинался разъезд. Последними уезжали дедушка с бабушкой и младший внук Ваня. - «Уже накануне дедушка озабоченно ходит по комнатам, собирая поклажу. Ранним утром тарантас у крыльца. Марья Калинишна, Лизуля — портниха, Устинья, Акимья со своим белобрысым сынишкой Левкой — все выходят прощаться. Суется мужички: «Ты вот тамotka подсунь! Вишь, неладно... А надо бы сенца подбросить, чтоб помягче, ведь ухабища-то какие!»

— Ну, с Богом, пошел!

Но сердце уже начинает биться радостным ожиданием».

Первая и последняя любовь - Леонтьевское

Родовое гнездо сыграет большую роль в жизни двух своих птенцов. Однажды Иван Тимофеевич узнаёт новость: его брат Михаил – «Мишуша», женится на двоюродной сестре – Наталье Николаевне фон Энден. Впоследствии о брате он напишет: «Мой Мишуша, наконец, устроил свою жизнь. Но этот брак не был его мечтой. «...» Раньше всего он влюбился в Зою. Но она отвечала ему лишь самой интимной дружбой. Затем он стал ухаживать за хорошенькой Любой. Но у неё были другие вкусы и перспективы. Теперь он сделал предложение её сестре, девице на выданье, но хорошей души, прямой и серьёзной, которой не сладко жилось дома, так как мать все чувства перенесла на младшую. Она с радостью приняла предложение...». Причиной этого брака, как ни странно, он назовёт любовь к родовому гнезду. «Чистенький, аккуратненький, безукоризненно державший себя во всех отношениях, Мишуша обнаружил лишь одну неизгладимую черту характера: безграничную любовь к родному гнезду и ко всему, что

только носило печать милого Леонтьевского. Вне этого ничто ему не нравилось. Я думаю, что даже только ради этого он поступился своими строгими взглядами и не уклонился от брака с двоюродной сестрой, в противность с церковными правилами, которыми руководствовался всю жизнь». Свадьбу сыграли в Леонтьевском. Шаферами были Иван Тимофеевич Беляев и Константин Константинович Стефанович – двоюродный брат молодожёнов, сын Александры Ивановны Стефанович, а «со стороны невесты были старые сенатские друзья её отца», - пишет Иван Тимофеевич.

«Для меня это был редкий случай, - писал он. - В деревне я бывал во всякое время, кроме зимы. Я был поражён красотой зимнего ландшафта. Когда мы мчались по покрытым снегом полям, сокращая путь целиною, любуясь осыпанными снегом елями и соснами, между заветных, дорогих по воспоминаниям уголков нашего медвежьего края, я понял моего милого Мишушу, которого первую и последнюю любовью было родное Леонтьевское... В огромном пустом доме было холоднее, чем на улице. Вытоплены были только две комнаты для молодых. Переодевшись, мы помчались в церковь, построенную местным купцом Хроповым на древних славянских могилках в сосновой роще на высоком бугре. «...» На обратном пути, в овраге, лихой ямщик по традиции вывалил молодых в пушистый снег «на счастье», чем доставил всем немалое удовольствие. Но в замерзшем, обледенелом доме мы уже не задерживались. Последний взгляд на гигантские дубы, вековые стражи нашего милого гнезда, и мы уже снова мчимся усыпанными серебристым снегом и озарёнными полной луною полями и косогорами, колыбелью нашего детства».

Михаил Тимофеевич участвовал в Белом движении, имел звание генерал-лейтенанта. С Натальей Николаевной у них родились двое детей: Елена (1904 - 1981) и Сергей (1907 - 1989). В 1920 году семья эмигрировала в Югославию, где жили потом до конца своих дней.

Сергей Тимофеевич Беляев в 1902 году был командирован за границу для ознакомления с постановкой дела в артиллерийских частях. В 1908 году стал членом комиссии главного артиллерийского управления. А в 1915 году командующим артиллерией 8-й армии Юго-Западного фронта. Он написал двухтомное «Наставление по тактике артиллерии». Женился на Елизавете Николаевне Наумовой. В браке родились трое детей: Елизавета (1895-1977), Мария (1900-1982), Алексей (1904-1987). После революции Сергей Тимофеевич отправил жену с детьми в Екатеринодар, но сам выехать не успел. В первые годы советской власти занимал высокую должность командующего артиллерией Московского военного округа. Последние годы жизни возглавлял кафедру тактики артиллерии Академии Генерального штаба РККА.

Владимир Тимофеевич Беляев в Первую Мировую войну прошёл через плен. После обмена пленными вернулся в Россию. Женился на Елизавете Андреевне Мусселиус. В браке родились трое детей: Александр (1900 -

1919), Кира (1904 - 1980) и Павел (1905 - 1919). Впоследствии жил в Ленинграде, погиб в блокаде.

Фотография эта была сделана в Петербурге в октябре 1913 года, когда весь род Беляевых собрался, чтобы отметить 70-летие своего отца генерала от артиллерии Тимофея Михайловича Беляева, который сидит в центре. Это была последняя встреча рода — начавшаяся война разметала всех братьев сначала по разным фронтам, а потом и по разным странам. Фотографии были розданы всем, кто изображен на снимке, но сохранился единственный экземпляр — экземпляр Сергея Тимофеевича, который в настоящее время хранится у его старшего внука — Сергея Беляева.

На фото: 1. Елизавета Андреевна Беляева (жена В.Т. Беляева); 2. Беляев Владимир Тимофеевич; 3. их дочь Кира Владимировна Беляева; 4. их сын Павел Владимирович Беляев; 5. Мария Сергеевна Беляева (дочь С.Т. Беляева); 6. Алексей Сергеевич Беляев (сын С.Т. Беляева); 7. Беляев Тимофей Михайлович; 8. Александр Тимофеевич Беляев (сын Т.М. Беляева); 9. Мария Николаевна Беляева (жена Т.М. Беляева); 10. Мария Тимофеевна Блок (мачеха А.А. Блока), урожденная Беляева; 11. Наталья Николевна Беляева (жена М.Т. Беляева), урождённая Энден; 12. Елена Михайловна (дочь Михаила и Наталии Беляевых); 13. Александра Александровна (жена И.Т. Беляева); 14. Беляев Николай Тимофеевич; 15. Людмила Александровна Беляева (жена Н.Т. Беляева); 16. их дочь Анастасия Николаевна Беляева; 17. Елизавета Сергеевна Беляева; 18. Беляев Сергей Тимофеевич; 19. Елизавета Николаевна Беляева, урожденная Наумова — дочь контр-адмирала Н.А. Наумова; 20. Беляев Тимофей Тимофеевич; 21. Ангелина Александровна Блок (дочь М.Т. Блок-Беляевой), сестра поэта Александра Блока; 22. Беляев Михаил Тимофеевич; 23. Беляев Иван Тимофеевич.

Иван Тимофеевич Беляев

Иван Тимофеевич Беляев (1875 – 1957) написал мемуары в 1950 году, находясь далеко от родины, в экзотической, для многих его соотечественников не известной стране – Парагвай. Выбор этого места был не случайным. Впервые он познакомился с этой страной в детстве («я знал её с детства»). Однажды на чердаке у деда в Леонтьевском он нашёл старую книгу о путешествиях «Записки одного полковника», где автор описывал экзотическую страну Парагвай. И это знакомство увлекло его на всю жизнь.

Иван Тимофеевич
Беляев

Иван Тимофеевич Беляев закончил кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. В то же время он посещал лекции в Императорском Географическом обществе. На первом месте для него было изучение географии и этнографии, но военно-революционные события первого десятилетия XX века изменили вектор его деятельности, и он уже полностью посвятил себя армейской службе.

В 1915 году за бои на Карпатах он был представлен к награде. В следующем году, командуя дивизионом тяжёлых гаубиц, участвовал в знаменитом «Брусилловском прорыве», после которого получил звание генерал-майора.

В предреволюционный смутный период ответственность и честность не позволили ему пассивно наблюдать разложение армии. Об этом времени он с горечью напишет в мемуарах, отметив неотвратимое падение звания офицера. Во время гражданской войны он воевал на юге России под командованием Деникина и Врангеля. О каждом из них Беляев впоследствии напишет в своих воспоминаниях. «Деникин, - скажет он, - обладал слишком узким взглядом на всё происходящее. Сын простого крестьянина, он ненавидел всё, что пахло наследственной культурой, не жалел крестьянина и не понимал солдата. Не понимал, что политика мести не должна руководить политическим расчётом».

О Врангеле же он говорил, что если бы на месте Деникина с самого начала был Врангель, то даже и в этих условиях, когда армия прижата к границе, он мог бы добраться до Москвы с «налёту», упоминая тот период, когда Белое движение было на подъёме, и армия смело двигалась вперёд. Но из-за нерешённых политических, земельных, дисциплинарных вопросов, поддержка Белого движения пошла на спад.

За что бы ни брался Иван Тимофеевич Беляев, он пытался это преобразовать, исходя из нравственного канона и соответствующих этому канону своих собственных принципов. Но изменить ход истории невозможно одному лишь генералу. Предпринятые командованием в 1920 году «приказ о земле» и «высшая

Полк. Ник. Тимоф. Беляевъ — 1937 г.
(Вып. Уч. — 1899 г. Акад. — 1904 г.).

Николай Тимофеевич
Беляев

комиссия правительственного надзора» оказались мерами запоздалыми. Единственным выходом для оставшихся в живых офицеров являлась эмиграция.

Сначала Беляев через Константинополь прибыл в Галлиполи, затем в Болгарию, потом в Париж, где Иван Тимофеевич с братом Николаем издавали газету для русских эмигрантов – «Парагвай».

Следующим пунктом стала Аргентина – страна, принявшая многих русских эмигрантов. В Аргентине к тому моменту стало нарастать напряжение в связи с нахлынувшей волной белоэмигрантов. Но Иван Тимофеевич не собирался там останавливаться. Путь его лежал дальше – в Парагвай – страну, манящую с детства. У Беляева была мечта – создать в Парагвае «Русский Очаг» для сохранения «высокодуховной» русской, дворянской традиции. Но мечте его не суждено было сбыться. Не всем русским эмигрантам пришёлся по душе парагвайский климат и быт. Но как же полюбили Ивана Тимофеевича парагвайцы! Своим профессионализмом, честностью и самоотверженным служением он снискал глубокое уважение всех жителей южноамериканского государства.

Важным этапом парагвайского периода жизни Беляева стала война Парагвая с Боливией. Конфликт между двумя государствами был давний, но к началу тридцатых годов, когда на спорной территории, принадлежавшей племени индейцев Чако, обнаружилась нефть, Америка подтолкнула Боливийское

И. Т. Беляев – «белый отец»

правительство на развязывание войны с целью освободить богатую ископаемыми чужую землю. Ещё до начала войны Беляев проводил там топографические исследования. Он изучил всю местность пустыни Чако Бореаль. И впоследствии при боевых действиях, он имел большое преимущество, поскольку хорошо знал местность с её тайными тропами и подходами в тыл врага. Тяжёлая для обоих государств война была окончена победой Парагвая. И немалый вклад в эту победу внёс генерал Беляев.

«Эта маленькая и бедная страна, - отвечал друг Беляева Язон Туманов на едкие комментарии оставшихся в Европе и Америке бывших соратников по Белому движению, - нас приняла с самого же начала так, как она принимает представителей любой страны. Небольшая русская белая колония уже много лет живет здесь так, как, наверное, она жила бы у себя на родине: русские доктора здесь лечат, а не играют на гитарах в ресторанах, русские инженеры строят дороги и мосты, а не вышивают крестиками, русские профессора читают лекции, а не натирают полы, и даже русские генералы нашли применение своим знаниям и служат в военном ведомстве».

Все последующие годы Беляев активно занимался интеграцией индейских племён в жизнь парагвайцев, отстаивал права индейцев и занимался различными просветительскими проектами: генерал составил несколько словарей: испанский-мака и испанский-чамакоко, описал быт и нравы индейских племён Чако Бореаль, написал множество трудов о религии индейцев; известно, что Беляев ставил спектакли, в которых принимали участие только индейцы, разыгрывая важные для страны исторические эпизоды и гастролируя по всей стране.

Иван Тимофеевич был дважды женат. С первой женой, Марией, в 1905 году Иван Тимофеевич тайно от начальства обвенчался в Леонтьевском. (Тогда браки гвардейских офицеров на лицах купеческого сословия не приветствовались). Но через год Иван Тимофеевич овдовел. Он мучительно переживал эту потерю, и спасением для него стало знакомство с Александрой Александровной Захаровой, впоследствии ставшей его второй женой. Она поддерживала его и была рядом в самые тяжёлые моменты гражданской войны и эмиграции. Любившие Беляева парагвайцы, после его смерти заботились о ней. Детей у Ивана Тимофеевича не было, но многие граждане Парагвая сегодня носят его фамилию. Когда-то благодарные индейцы, получая первые официальные документы, удостоверяющие личность, брали фамилию Беляев. Он стал для них главным героем и Белым отцом.

Александра Александровна
Захарова,
в замужестве Беляева

Историк Михаил Дмитриевич Каратеев написал на смерть своего друга: «Воистину невообразимой может оказаться человеческая судьба. О русском генерале Беляеве как таковом через два-три десятка лет исчезнет всякая память. Но как индейский касик — друг и благодетель этого народа, он не будет забыт, пока на земле останется хоть один чамакок».

Мария Тимофеевна и Ангелина Александровна Блок

После окончания Смольного института Мария Тимофеевна Беляева уехала к отцу в Варшаву, где стала преподавать в гимназии. Там же она и познакомилась со своим будущим мужем Александром Львовичем Блоком (1852 – 1909). «Будучи религиозной, - писал Иван Тимофеевич, - как вся наша семья, она постоянно бывала в церкви. Блок всё время являлся туда же, становился за нею, опускался вместе с ней на колени и производил впечатление кающегося грешника, обожающего свой идеал».

Вскоре среди тётушек начались разговоры о женихе Махочки и о предстоящей свадьбе. Иван Тимофеевич так описывает этот период: «Мне

было всего 14 лет, я ничего не понимал в её разговорах с тётёй Туней, которая была, видимо, против брака. Осенью другая моя тётя потихоньку от сестры пошла к Бекетовым и просила профессора сказать ей чистосердечно своё мнение о Блоке. «Человек он порядочный, — отвечал старик, — но ваша племянница не уживется с ним и года. Его обуревают такие страсти, что, при всём желании, она не останется с ним».

Мария Тимофеевна
и Ангелина Александровна Блок

В июле 1890 года Александр Львович и Мария Тимофеевна обвенчались. Первый ребёнок родился мёртвым, в 1892 году после тяжёлых трёхдневных родов, на свет появилась дочь Ангелина.

Со временем стал проявляться тяжёлый нрав Блока. Мария Тимофеевна, увидев опасность для жизни девочки, решила бежать. «Тётя Туня, - вспоминает Иван Тимофеевич, - прислала ей телеграмму от имени отца, которой он звал её проститься перед смертью. «Я предчувствую, что ты ко мне не вернёшься», — сказал Блок, — но Тимофей Михайлович не позволит себе солгать. Поезжай». Отец не мог простить тётёе её обмана, но сестра спаслась от верной гибели. Её приютил брат мой Михаил и, когда муж приехал требовать её обратно, твёрдо

настоял на отказе. Блок клялся, что в корне переменит своё поведение, сестра волновалась между горькой правдой и иллюзиями, но брат настоял на своём».

Следствием тяжёлого быта и вспыльчивого характера Александра Львовича Блока стало то, что их дочь Ангелина начала сильно заикаться, и это обстоятельство не позволило ей, по словам Ивана Беляева, в дальнейшем «следовать своему призванию»: быть учительницей».

Мария Тимофеевна с дочерью жили в семье брата Михаила, на лето они приезжали в Леонтьевское, где девочка познакомилась с сыном соседнего помещика Кошкарова. Они длительное время дружили, и Ангелина влюбилась, но, как потом оказалось, чувства не были взаимны. Это сильно ранило нежное, отзывчивое сердце девушки. И, как вспоминает Беляев, от этого она стала ещё более замкнутой.

Александр Львович поддерживал отношения с обеими своими семьями. Со временем он стал предпринимать попытки подружить между собой своих детей. В письмах к сыну, начиная с 1902 года, он неоднократно просил его повидаться с сестрой. Ангелина к тому времени уже училась в Екатерининской гимназии, где преподавала её мать. Но Ангелина сблизилась с братом только в 1909 году, в Варшаве, куда она

Ангелина Александровна
Блок

приехала на похороны отца. В письме матери из Варшавы Блок рассказал, что сблизился с Ангелиной и описал свои впечатления: «Сестра интересная и оригинальная и чистая, у нас много общих черт (напр. – «ирония»), но в чём-то очень существенном – коренная разница, кажется в том, что она – не мятежна». В письме жене он сообщал: «Моя сестра и её мать настолько хороши, что я даже чувствую близость к ним обеим. Ангелина интересна и оригинальна и очень чистая, но совсем ребёнок, несмотря на 17 лет. Мария Тимофеевна удивительно простая и добрая».

В Петербурге он часто навещал сестру, они подолгу беседовали, но мало кто мог догадаться, о чём они говорили. Иван Тимофеевич отмечает только неотразимое притяжение, какое испытывал к Ангелине её сводный брат. «Всё время он проводил с сестрою, сидя на диванчике в тёмном углу зала. Ангелина, прелестная, чистая, даже святая девушка с привлекательной наружностью, с нежным сердцем, сильно реагировала на всё, что могло коснуться её брата, который, со своей стороны, почувствовал к ней неотразимое влечение. О чём они беседовали, посторонние могли только догадываться. Думаю, что одна лишь «мамти», с которой Ангелиночка делилась всем, могла знать происходившее».

Узнав, что Блока призывают в армию, она попросила Ивана Тимофеевича помочь ему избежать тяжёлого армейского быта и опасности. На что тот обещал взять его под опеку, но потом Блок сам распорядился своей военной судьбой и к помощи родственника не прибегнул.

Александр Львович ещё в 1908 году писал сыну, что «Ангелиночка «...» читала все твои лирические драмы и сама стихотворит». А позже во время одной из встреч она показала брату свою поэму об околдованной девушке. В дневниковых записях за февраль 1910 года Блок частично пересказал её, перемежая цитатами, но оставил без комментариев, а по поводу стихов Ангелины, показанных ему позднее, записал в декабре 1913 года: «Плохие, с хорошими девическими чувствами».

«В 1910 году Ангелина поступила в Императорский женский педагогический институт, готовивший преподавательниц для гимназий и классовых и домашних наставниц. Институт располагался на Малой Посадской улице, а Блоки в это время жили неподалёку – на углу Большой и Малой Монетной, поэтому Ангелина стала ещё чаще видеться с братом. Упоминания об этих встречах многократны в письмах Блока к матери этого времени. По свидетельству И.Т. Беляева, Ангелина «сильно реагировала на

А.А. Блок в годы войны

всё, что могло коснуться её брата» и преданно любила его. «К брату у неё было какое-то благоговейное чувство; она гордилась им».

Заканчивая вторую редакцию поэмы «Возмездие», 3 января 1911 года Блок сообщил в письме матери, что собирается посвятить её Ангелине. И действительно, в черновом автографе поэмы значится: «Посвящается сестре моей Ангелине Блок». В начале марта 1911 года Блок познакомил сестру с поэмой. К его удивлению и радости, «Возмездие» ей понравилось. Это зародило в поэте надежду на то, что его собственный мятежный дух всё-таки не совсем чужд Ангелине и у него может получиться вывести её «из мрака, её окружающего».

Подобные попытки Блок предпринимал в течение двух последующих лет. Однако религиозные чувства Ангелины оказались для нее слишком сильными и искренними. Их троюродная сестра Вера Константиновна Берхман, родная сестра которой, поэтесса Татьяна Берхман, училась и дружила с Ангелиной, вспоминала: «Ангелина была очень церковна, религиозна и православна. Ни Блок, ни моя сестра этим не отличались. Ангелина убеждала Блока вернуться к религии, но он говорил, что у него своя вера».

Также сестре Блок посвятил цикл стихов «Ямбы». В одном из стихотворений он возвращался в ту варшавскую зиму, когда брат и сестра узнали своего отца.

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, суждённая судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днём я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной!) -
Над чёрной Вислой - чёрный бред...
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир - жилище бога,
О холоде и об огне.

1910 - 6 февраля 1914

Со временем отношение поэта к семье Ангелины сильно изменилось. В дневнике появились записи, отражающие негативное отношение к атмосфере в доме сестры. Поэт не был столь патриархально религиозен, и глубоко верующая семья Беляевых вызывала у него отторжение. Александр Блок с

горечью отмечал, какое влияние имеет на Ангелину её мать, которая была ему особенно неприятна, но сделать ничего не мог.

Следуя совету брата, Ангелина стала посещать Религиозно-философское общество. Так, 22 ноября 1912 года она присутствовала на заседании, посвящённом обсуждению того, откуда произошла «мрачная сущность православия». Профессору Б.В. Никольскому оппонировали Д.С. Мережковский, А.В. Карташов и Е.П. Иванов, выступление которого особенно понравилось Ангелине. «Она была так мила, внимательна. Её поразило всё, она рада, может быть, это принесёт ей новое», – записал Блок в своём дневнике. Однако, судя по последовавшей вскоре записи, новое увлечение дочери не вызвало восторга у Марии Тимофеевны: «Ангелина звонила по телефону, взволнована. Просит пока не посылать повестки на религиозно-философские собрания, что-то у них деется, мамаша её, вероятно, её преследует серьёзно».

Обложка книги
с посвящением сестре
1919 год

В том же году Ангелина оказалась втянута в церковный скандал вокруг Саратовского епископа Гермогена, боровшегося с Распутиным. 17 января 1912 года Николай II подписал указ об отстранении Гермогена от управления епархией, что вызвало волнение среди симпатизировавших популярному епископу прихожан. В числе последних оказалась однокурсница и подруга Ангелины Клавдия Сергеева. Как записал 18 марта в дневнике со слов сестры Блок, Клавдия «в часовне Спасителя упала в ноги случайно приехавшему царю и сказала ему: “Царь-батюшка, помилуй святителя”. – “Какого?” – спросил царь. – “Гермогена”. “...Скоро, скоро”, – ответил царь и велел её не трогать», но «едва он уехал, шесть сыщиков ухватили её и стащили в участок. Продержали там недолго – часа три». Клавдия Сергеева теперь жила у Ангелины на Сергиевской улице, а Блок, сам симпатизировавший Распутину, сокрушался в дневнике, что его сестра – «глупая девчонка» – попала под её влияние и для неё «преосвященный Гермоген – подлинная церковь, тот круг (...), к которому примкнула она. Гермоген – вполне свят. Илиодор (“отец”) меньше, но и он. Распутин – враг».

В 1914 году Ангелина с золотой медалью закончила Педагогический институт, но сохранившееся с детства заикание помешало ей стать учительницей. В связи с началом войны они с матерью приняли решение стать сёстрами милосердия. Уже в октябре 1914 года Ангелина ухаживала за ранеными в Обуховской больнице.

«По воспоминаниям И.Т. Беляева, в конце 1916 года у Марии Тимофеевны и Ангелины «уже назревало решение уйти в монастырь; они уже вели об этом переговоры с Леушинским подворьем. Ангелиночка с Лилей, дочерью старшего брата, которая тоже впала в пиетизм, всё время бегали туда, изображая послушниц». Лиля – Елизавета Сергеевна Беляева – к тому

времени уже была монахиней под именем Евфросинии. Она приняла тайный постриг в 1914 году во время тяжёлой болезни. Своё монашество ей пришлось скрывать до 1955 года, когда она смогла поселиться близ Троице-Сергиевой лавры и трудиться алтарницей в Покровском храме Московской духовной академии».

После февральской революции Ангелина с матерью и двоюродной сестрой «уехали из Петрограда в Новгород, где стали служить в Новгородском епархиальном лазарете. Не жалея своих душевных и физических сил, она ухаживала за ранеными. В начале февраля 1918 года Ангелина заболела менингитом, но работу не оставила. «Несколько дней перемогалась, – сообщила брату Мария Тимофеевна, – и скрывала свою болезнь, т.к. много было больных, и она не хотела бросать работу». Однако вскоре силы иссякли, и Ангелина слегла. «Наверное, у меня воспаление мозга, никогда в жизни так голова не болела», – призналась она матери. Чтобы облегчить головные боли, Ангелине обрезают волосы и прикладывают к голове лёд. «Ангелиночка уходила от нас так дивно, – вспоминала её двоюродная сестра Елизавета Беляева, – что я не могла желать её выздоровления... Она умирала как святая, окружённая святынями, частицами Мощей, Иконами... Боли в головке были смертельные, она очень страдала, но жалоб даже не было, и в день Соборования со стоном повторяла: «Ах, как мне хорошо». Мария Тимофеевна сообщила в письме к брату: «Все батюшки приходили её навещать, благословлять и молиться; потом приехали матушки и остались в Новгороде; оттуда или из Кириллова они каждый день приходили и проводили у неё почти весь день... Из Десятинного монастыря принесли икону св. Великомученика Пантелеймона, и она провела у нас ночь. Владыка Алексей сразу же пришёл навестить Ангелиночку, побеседовал с нею и так был тронут её терпением, покорностью и желанием идти в Отечество Небесное, что приходил потом каждый день и последний раз ушёл от неё только за полчаса до кончины».

Ангелина умерла 20 февраля 1918 года. В письме брату Сергею её мать сообщила: «Службы около её гроба – это было такое торжество, такие дивные, неизвестные мне прежде песнопения, столько больных, немощных, монахинь и батюшек, поминавших её добром за ласку и посильную помощь, что мне дивно было видеть это...». Мария Тимофеевна пережила дочь на четыре года и умерла 24 января 1922 года. Мать и дочь похоронены в одной могиле в новгородском Мало-Кирилловском скиту.

Блок откликнулся на смерть сестры дневниковой записью от 24 марта 1918 года: «Ангелина умерла... Её хоронили «как святую», с крестным ходом». Евгения Книпович сохранила в своих мемуарах запись разговора с поэтом: «Сегодня я узнал, что моя сестра умерла... Странно, когда так смерть подходит. Она должна была умереть – её так и воспитывали – к смерти. Я её поздно узнал. С ней хорошо было».

«Эндина мыза». Конец Леонтьевского.

Ещё при жизни Елизаветы Леонтьевны, в 1891 году имение перешло в собственность её зятя Николая Николаевича фон Эндена. В последние годы своей жизни он много времени проводил в Леонтьевском. Тогда среди местного населения оно получило неофициальное название «Эндина мыза». Переоформив имение жены на своё имя и став гдовским землевладельцем, «он принимал самое деятельное участие в делах земства и дворянства». К тому времени в усадьбе помимо барского дома имелись беседка, молочная, баня, конюшня, каретная, амбары и другие постройки. Сад был наполнен редкими плодовыми деревьями и кустарниками. Клумбы благоухали прекрасными цветами. Ели, дубы, лиственницы трёх видов, пихты, кедр, множество растений и цветов создали славу мызе фон Эндена на столетие вперёд. И сейчас, благодаря его увлечению, можно угадать очертания старого парка и сада. Вековые дубы не сохранились. Предположительно эта ценная порода дерева пошла на изготовление паркета в сланцевском Доме культуры.

Скончался Николай Николаевич в своей усадьбе и был похоронен при Новосельской Александро–Невской церкви. После его смерти имение переходит его вдове Елене Ивановне. Она была последней владелицей усадьбы. Осенью 1919 года, при отступлении Северо-Западной армии Юденича, Елена Ивановна со старшей и младшей дочерьми и детьми младшей дочери, Зоей и Колей, бежали из Леонтьевского в Эстонию.

Елена Ивановна
фон Энден

Николай Николаевич
фон Энден

Каретный сарай в Леонтьевском

После революции в Леонтьевском в разное время располагались правление колхоза, общежитие и пионерский лагерь, в господском доме была школа. Со временем жилой дом в отсутствие хозяев разрушился, часть построек была разобрана местными жителями. До наших дней сохранились только домик садовника и каретный сарай, перестроенный в позднее время.

Глава VII Александр Васильевич Дружинин и его Дневник

Ценным источником знания усадебного быта гдовских помещиков для нас является литератор Александр Васильевич Дружинин (1824 - 1864). В Гдовском уезде он владел усадьбой Марьинское (современная деревня Марьинско, Плюсского района). Самодисциплина и пристрастие к перу подтолкнули его вести дневник и фиксировать на бумаге свой духовный опыт и впечатления от прожитого дня. Жизнь его была не долгой, отраженный в дневниковых записях период в историческом смысле совсем незначительный, но для сланцевского литературного краеведения он представляет большую ценность. Благодаря дневнику мы узнаём множество подробностей помещичьей жизни и имена землевладельцев, которые некоторыми литературоведами именовались как «неизвестные особы». Вести свой дневник Дружинин начал в 1840 году, но дошедшие до нас записи начинаются 1843 годом и обрываются 1858. В своём «журнале» в 1843 году он запишет: *«Зачем и с какою целью писать мне журнал... весьма скучно описывать, где был утром, что делал ввечеру, что ел, что пил, с кем об чём говорил, выводя без всякой цели на сцену личности. И потому не ждите от меня правильного и постоянного дневника: мне неоткуда писать его»*. Со временем в жизни Дружинина появляются герои, достойные «выведения на сцену», а сам он по мере взросления понимает, что

Александр Васильевич
Дружинин

Андрей, Григорий и Александр
Дружинины
1840 год
Художник П.А. Федотов

всё пережитое, если не ценно само по себе, то является необходимым топливом для горнила творчества. В записях Дружинина за 1853 год мы можем прочесть: *«Я не могу нахвалиться своей решимостью насчёт дневника. Отцы наши и разные великие люди, вёдшие свои журналы, понимали тайну жизни. Что вся наша наука, если не уметь помнить, и что вся наша жизнь, как бы она ни была проста, - если не лучшая из всех наук?»*. *«С началом дневника память моя будто оживилась...»*. *«Дни идут яснее и ровнее, - минувшее и давно отжитое начинает выясняться мало-помалу. И я ещё не оставляю плана когда-нибудь приступить к истории моей прошлой жизни, к каталогу лиц, имевших влияние на мою жизнь или просто сталкивавшихся со мною. А впереди мой дневник обещает мне много выгод в нравственном и литературном отношении»*.

Записи Дружинина действительно принесли большую пользу, и не только для него. Дневник писателя для нас является ценным историческим и литературоведческим источником.

Журнал «Современник» и другие...

Сотрудники журнала «Современник»:
Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, И. А. Гончаров,
И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, Н. А. Островский

Александр Васильевич родился в состоятельной чиновничьей семье Василия Фёдоровича и Марии Павловны Дружининых. До шестнадцати лет обучался дома, где с ним занимались хорошие европейские учителя. Он в совершенстве знал французский, английский, итальянский. Манеры его показывали воспитание утонченное, но более это было определено его характером, чем влиянием среды. Летние месяцы, проводимые в усадьбе среди деревенских мальчишек, позволили ему ещё лучше узнать родной

язык во всём его многообразии. Когда юноше исполнилось 16 лет, его зачислили в Пажеский корпус. Потом он служил в лейб-гвардии Финляндском полку, где сблизился с сослуживцем П.А. Федотовым, впоследствии известным художником. В 1846 году Дружинин подал в отставку и поступил в канцелярию военного министерства. Впоследствии он полностью посвятил себя литературной деятельности, которая сосредоточивалась до 1856 года в «Современнике», а началась в 1847 году повестью «Полинька Сакс», имевшей большой успех. Продолжая изредка писать рассказы, и даже большие повести, он главные свои силы направил на критику и статьи по истории литературы. «С начала 1850-х годов Дружинин, помимо «Современника», был близок к кругу журнала О.И. Сенковского «Библиотека для чтения». В 1856 году Дружинин по приглашению издателя «Библиотеки для чтения» В.П. Печаткина возглавил журнал. В 1860-м Дружинин передал редактирование А.Ф. Писемскому, который уже был к тому времени его соредактором. Сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Искра», «Русский вестник» и газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная пчела». В «Журнале садоводства» поместил статью «Заметки о садоводстве в Петербургской губернии». В журнале «Век» в 1861-м был соредактором П.И. Вейнберга.

В ноябре 1856 года на обеде у графа Г.А. Кушелева-Безбородко Дружинин предложил создать по образцу английского Literary fund Литературный фонд. На эту же тему он опубликовал статью «Несколько предположений по

устройству русского литературного фонда для пособия нуждающимся лицам учёного и литературного круга» («Библиотека для чтения», 1857, т. 146). Организованное благодаря настойчивости Дружинина в 1859 году в Санкт-Петербурге «Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным» просуществовало около 60 лет».

Литератор Дмитрий Васильевич Григорович (1822 – 1899) в своих воспоминаниях отзывался о Дружинине как об отличном, верном товарище. Также он писал: *«Дружинин родился для кабинетной жизни и мирных умственных занятий; если б он не был литератором, из него непременно вышел бы учёный»*.

Марьинское. Соседи.

Когда-то отец Дружинина Василий Фёдорович купил на торгах у наследников крупного гдовского помещика Емельяна Андреевича Чоглокова деревню Чёртово Жилое в Гдовском уезде. Позже он переименовал её в Марьинское – в честь супруги Марьи Павловны. Василий Фёдорович построил усадьбу на возвышенном берегу небольшого безымянного озера. Развёл фруктовые сады и ягодники. По переписке Василия Фёдоровича с супругой видно, насколько он был радетельным хозяином, старался не обижать своих крестьян, а в доме, благодаря его заботам, всегда было полно угощений для гостей. Отец рано ушёл из жизни, когда будущему писателю было семнадцать лет. В течение всей оставшейся жизни Дружинин будет приезжать сюда каждое лето с матерью. Писатель любил Марьинское и даже думал поселиться здесь и жить круглый год. Но, любя природу и неспешные прогулки в саду, тем не менее, в сентябре с радостью собирался в город.

Мария Павловна Дружинина
Художник П.А. Федотов

Летний флигель около двухэтажного тёплого дома был своеобразной творческой лабораторией писателя. А время, проведённое в деревне, было очень плодотворно. В Марьинском написана большая часть его произведений, ведь главной целью его было уединиться для работы - *«не для увеселения и событий приезжаю я в свою лабораторию, вся задача в том, чтоб трудиться не скучая, наработать поболее и запастись здоровьем»*.

Дмитрий Васильевич Григорович, гостивший у Дружинина в 1855 году, вспоминает:

«В деревне, куда обыкновенно приезжают летом отдыхать, Дружинин работал с тем же рвением, как в Петербурге. С девяти часов, тотчас же после утреннего чая, садился он к письменному столу и, усиленно пригибаясь на левый бок, писал вплоть до завтрака, прерываясь на несколько минут,

чтобы пройтись по комнате. После завтрака он отдыхал час и снова продолжал писать, пока нас не позовут обедать».

Григорий Васильевич
Дружинин

Но помимо дисциплинированного труда он позволял себе и прогулки, и посещение соседей, и приглашение гостей. В круг его знакомых входили многие ближние и дальние помещики. Среди которых было несколько интересных для литературоведов имён. Так, ближайшей его соседкой была баронесса Евфимия Никитична Вревская, родственница Лермонтова. В Петербурге, в доме Вревской собирался цвет столичной интеллигенции. А в доме её отца, Никиты Васильевича Арсеньева, в начале военной службы часто останавливался Лермонтов. Её имение, Чёртово Пустое, находилось на противоположном берегу безымянного озера, напротив дома Дружининых. Писатель переправлялся к соседке на плоту. Отношения соседей были настолько близкие, что некоторые исследователи приняли их за брата и сестру.

Он общался с давними гдовскими помещиками Обольяниновыми, с Фёдором Леонтьевичем Трефортом - совладельцем усадьбы Леонтьевское, с Яковом Ивановичем Мейером - владельцем имения Заовражье-Гверёдно, с Софией Александровной и Василием Арсеньевичем Семевскими - владельцами имения Щепец, с Блоками - Николаем Александровичем, Львом Александровичем и Ариадной Александровной, а также с дальней своей соседкой, владелицей имения Архангельское Сижно Дарьей Фёдоровной Харламовой. Последняя также приходилась родственницей Лермонтову и была близко знакома с Грибоедовым. Хоть общение Дружинина с Д.Ф. Харламовой не было столь интенсивным, как с баронессой Вревской, но оно принесло ему как литератору большую пользу. Из бесед с Дарьей Фёдоровной писатель мог узнать немало интересного о Грибоедове, Пушкине, Кюхельбекере, Лермонтове. В незавершенной рецензии на «Сочинения Лермонтова» (1860), говоря о восприятии поэта его современниками, Дружинин сошлется на мнения «лиц, связанных с ним родством и приятнью». В их числе были Е.Н. Вревская и Д.Ф. Харламова».

О своём передвижении по Гдовскому уезду, беседах с соседями, новостях и сплетнях он рассказывает в дневнике. Из записей узнаём, что он был влюблён в Надежду Дмитриевну Мусину-Пушкину, племянницу поэта Александра Ардалионовича Шишкова. Как восхищался красотой Ариадны Александровны Блок, будущей бабушки поэта, и какой интересной собеседницей была Дарья Фёдоровна Харламова. А также как холодно было в доме баронессы Вревской: *«Вечер провели вчерашний у Вревской, где было довольно холодно... у баронессы дом – настоящая Дантова biva ghiacciata (ледяная яма. – Н.Б. Алдонина), вчера я провел там вечер, читал газеты и ужинал, а ноги мои мерзли до того, что я вынужден был надеть калоши».* А

у Трефуртов, наоборот, уютно и тепло: *«Трефорт живёт именно так, как следует жить в деревне осенью, – в доме у него такая чистота, такое изобилие! Всюду камин, цветы, мягкие диваны, древняя мебель, везде обстановка доброго, отдыхающего чудака»*. В самый узкий круг деревенских друзей писателя входили Трефурт, Мейер и Вревская. Усадьба Трефурта Леонтьевское граничила с Гверёзно - Заовражье Мейера (сейчас это территория Сланцевского района), а Марьинское Дружинина находится рядом, но на территории Плюсского района Псковской области, у северной его границы.

Гости

В Марьинском Дружинина посещали его петербургские друзья, сотрудники журнала «Современник» И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов (1854), Д.В. Григорович (1855, 1856), А.Ф. Писемский (1859), М.А. Ливенцов (1862, 1863).

Тургенев и Некрасов прибыли в деревню к Дружинину из Осьмино, где останавливались у И.И. Маслова, хорошо знакомого со всей этой компанией. В Осьмино к ним навстречу приехал Дружинин. Тургенев и Некрасов, оба заядлые охотники, пробыли в Осьмино и Марьинском неделю. Накануне их приезда Дружинин получил такое письмо:

И.И. Маслов – А.В. Дружинину

12 июля 1854 год, с. Осьмино.

«Спешу передать Вам, любезнейший друг Александр Васильевич важную новость: к нам, между 13-м и 15-м числами этого месяца, приедут Некрасов, Тургенев и, может быть, Анненков. – Я получил от них письмо, в котором они говорят об этом утвердительно. – Коль скоро это совершится, я ту же минуту посылаю к Вам нарочного, на тот конец, чтобы Вы приехали ко мне, а потом все вместе отправимся к Вам. – Нужно эти 10-ть дней (которые они предполагают провести в Гдовском уезде) нам быть всем вместе. – Так как Тургенев и Некрасов охотники, и главная причина их приезда – истребление птиц, то не худо бы приказать Вам старику Вашему егерю приискать места, где есть выводки тетеревей и куропаток в окрестностях Чортова. – Здесь об этом я уже позаботился. – Некрасов просит послать сказать Вам об его намерении приехать, о том, что он не отвечал на Ваше письмо по поводу этого намерения, о повести и проч. и проч., всё это перескажется Вам лично. – Прощайте! Я что-то не шутя жду наших приятелей.

Жму Вам руку. Весь Ваш И. Маслов.

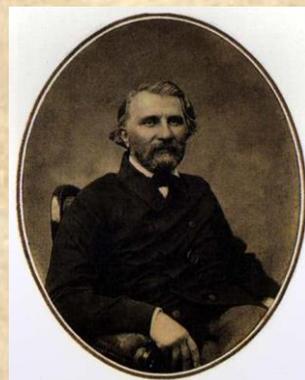
Маминьке Вашей засвидетельствуйте от меня моё глубочайшее почтение».

О пребывании гостей в деревне Дружинин после запишет: *«Несколько часов тому назад проводил я от себя петербургских гостей, Тургенева и Некрасова, с которыми провёл время, начиная с прошлой пятницы, сперва в Осьмине у Маслова, а потом у себя. Они охотились удачно, и слабые их телеса несколько починились в нашем крае, и я развлекся с людьми, но по правде сказать, если бы не Маслов и другие посетители (как-то: Арсеньич с женой и вчера Томсон), я бы не очень много извлек отрады от товарищей литераторов. Эти два господина жили в лесу и в болоте, так что иной день нам и часу не приходилось вместе беседовать. В свободные минуты занимались чернокнижной словесностью, как-то: сочинением послания к Лонгинову и ответа на оное, Гимном Боткину и так далее в том же роде. Результатом труда вышла небольшая тетрадка, исполненная сквернословия...»*

Николай Алексеевич
Некрасов

В «Летописи жизни и творчества Н.А. Некрасова» имеется такая запись: *«25 июля Некрасов и И.С. Тургенев приехали в Чёртово, имение А.В. Дружинина. 31 июля 1854 года Некрасов и Тургенев уехали из Чёртова». Гости-охотники также посещали и богатые дома соседей. Из мемуаров Ивана Тимофеевича Беляева известно, что они были гостями на вечере в доме Трефуртов в усадьбе Леонтьевское - «тогда (в дни их молодости), - пишет Беляев, - старики имели несравненно больше средств, и летом в их имении всё время давались спектакли и устраивались всяческие увеселения. Дом толпился знакомыми, по большей части интеллигентной молодежью. Тургенев, Гончаров, Григорович, Дружинин бывали среди гостей...».*

Иван Сергеевич
Тургенев

Некрасов, пребывая у Дружинина, написал такое шутивное стихотворение:

Мы, посетив тебя, Дружинин,
Остались в верном барыше:
Хотя ты с виду благочинен,
Но чернокнижен по душе:

Научишь каждого веселью,
Полуплешивое дитя.
Серьезно предан ты безделью
И дело делаешь шутя.

Весьма радушно принимаешь

Ты безалаберных друзей,
И ни на миг не оставляешь
Ты аккуратности своей.

В числе различных угощений
Ты нам охоту снарядил
Среди наследственных владений...
И лист бумаги положил

Для Чернокнижных вдохновений.

28 июля 1854 Чертово

***

Летом 1855 года Григорович вместе с Дружининым гостили у Тургенева в Спасском. В конце июля они вернулись в Петербург и через несколько дней отправились в Марьинское. О своём пребывании в Гдовском уезде Дмитрий Васильевич оставит подробные воспоминания. А начнёт он свой рассказ с предвкушения, ожидания и явившейся реальности. Александр Васильевич описал другу свою любимую вотчину в самых искренних, тёплых тонах, но гостю уже по дороге всё показалось иначе, чем рассказывал ему влюблённый в свою дачу помещик: *«Все помещики, видно, на один покрой; к личному самолюбию они присоединяют ещё щекотливое самолюбие владельца. Дружинин описывал мне свою деревню (Марьинское) так красноречиво, что можно было думать, она находится не в северной полосе России, а на южном берегу Крыма или по соседству с Ниццей. «Жаль, – говорил он, – мы не успели к июню: в это время наш сад и всё пространство вокруг дома покрыто розами! Дорога, особенно после Нарвы, во всяком случае, не отвечала преддверию земного рая».* Путь, видимо, так утомил писателя, что на лугах он видел болотную почву, отдающую кислотой и сыростью, «на пахотных полях, вместо земли, было точно посыпано золою», а разделяли их «унылые сосновые перелески».

Дмитрий Васильевич
Григорович

«Мы приехали вечером, – пишет Григорович, – и тотчас же отправились к хозяйке дома, матери Дружинина, представлявшей исчезающий теперь тип приветливых, милых старушек, сохранивших в преклонные годы необыкновенную живость и весёлость. К её приезду на окно, подле её стула, ставилась всегда стеклянная банка с водою и плавающим в ней вьюном; старушка утверждала, что все барометры врут беспощадно, пустая выдумка, и только на вьюна можно вполне положиться, так как один он безошибочно указывает перемену погоды». Тот же минорный лад впечатлений продолжился и на другой день. Ночью гостя искусили комары.

Утром, проснувшись, он увидел, что лицо его и руки были «красны и в волдырях, точно их обварили». Дружинин ему выговорил, указав на ситцевую оконную занавеску, которую Григорович забыл накануне задёрнуть. Когда Григорович уж было собрался, по примеру хозяина, искупаться в безымянном марьинском озере, то брезгливо отказался от этой затеи, почувствовав вязкое илистое дно, и случайно назвал озеро прудом:

«– Что с вами? – беспокойно спросил Дружинин.

– В пруду вязко.

– В каком пруду? Где вы видите пруд?.. Это озеро... И вовсе не вязко, на дне чистый песок.

В течение дня я по ошибке произнёс несколько раз слово «пруд», и всякий раз Дружинин спешил меня исправить, вскрикивая, с оттенком неудовольствия: озеро, озеро, озеро!»

Впоследствии Дмитрий Васильевич сделал вывод, что «стоило ни в чём не противоречить, находить все безукоризненным, чтобы поддерживать благодушное состояние духа хозяев дома».

Григорович приезжал в Марьинское дважды - в 1855 и 1856(?) году.

Исследователь творчества Дружинина, его племянник В.Г. Дружинин говорит о нескольких рисунках, сделанных Д.В. Григоровичем в гдовской деревне. О рисунках писал Дружинин Тургеневу: *«У Григоровича открылся дивный талант на карикатуры, у меня в деревне он жил месяца полтора и всё рисовал. На этих карикатурах мы все постоянно изображаемся с разными атрибутами, даже во время сна и драматических положений».* В Мариинском был написан рассказ «Школа гостеприимства», напечатанный потом в «Современнике», и «Рыбаки».

«Он отличался между всеми нами крайним консерватизмом, - напишет об А.В. Дружинине много лет спустя Григорович, - но консерватизм его был скорее следствием его рассудительно-холодного ума и также отчасти эгоистического чувства. В течение первого года после обнародования освобождения крестьян он опасался беспорядков и, сколько казалось, больше для своего Марьинского, к которому был привязан всею душой».

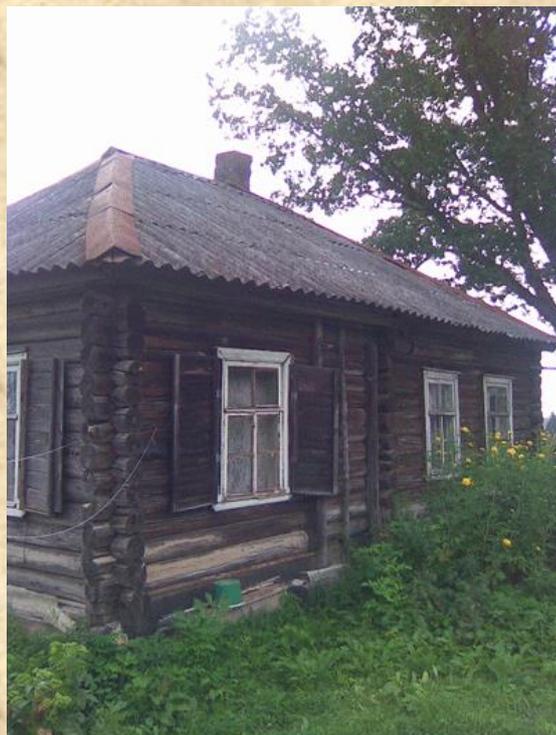

Вид на озеро со стороны усадьбы А. В. Дружинина

Флигель

После смерти Марии Павловны Дружининой в 1871 году, имение переходит к старшему её сыну – Григорию Васильевичу Дружинину. Наследники Григория Васильевича владели усадьбой вплоть до революции.

После 1917 года в усадьбе была сельскохозяйственная коммуна, а затем колхоз «Крестьянин». С 1922 по 1929 год в усадьбе располагался детский дом «Отдых», а с 1929 по 1943 год – Дом престарелых. В 1943 году усадьба сгорела, и в настоящее время сохранились только деревянный сруб флигеля А. В. Дружинина и остатки дубовой аллеи. В 20–е годы XX века, флигель был разобран и перевезён на другое место в деревне Марьинское, где был заново сложен, о чём свидетельствуют повторные отметки на брёвнах. В результате строение стало жилым домом, что и сохранило ему жизнь. Кровля дома, конечно, уже не та, что была у флигеля А. В. Дружинина, так как перевозился только сруб. Только по форме окон можно понять, что это строение не принадлежало раньше простому крестьянину.

Флигель А. В Дружинина,

Фотография усадебного дома Н. Г. Дружинина. Начало XX века

Источники

Глава I

1. Будько В.И. Арсеньевы в Гдовском уезде: рукопись
2. Будько В. И. Никита Васильевич Арсеньев: рукопись
3. Никита Васильевич Арсеньев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.rodovid.org>
4. Модзалевский Л. Новые материалы о Е.А. Арсеньевой. Письма Е.А. Арсеньевой о Лермонтове [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru>, источник: <https://clck.yandex.ru>
5. Алдошина Н.Б. Мариинское: А. В. Дружинин и его окружение // Алдошина Н.Б. А.В. Дружинин (1824 - 1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: монография. – Самара: Издательство СГПУ, 2005. - Глава I, п. 7. - С. 146 – 148.
6. Дружинин А. В. Полинька Сакс. Дневник. - М.: Правда, 1989.
7. Марасанова В. М. Шмит Никита Конрадович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yarwiki.ru>
8. Искусство и архитектура русского зарубежья. Браиловская Римма Никитична [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.artrz.ru>

Глава II

1. Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. – М.: АСТ, 2013.
2. Будько В.И. Арсеньевы в Гдовском уезде: рукопись.
3. Будько В. И. Дело об опеке над именем малолетней Марии Харламовой: рукопись
4. Алдошина Н.Б. Мариинское: А. В. Дружинин и его окружение // Алдошина Н.Б. А.В. Дружинин (1824 - 1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: монография. – Самара: Издательство СГПУ, 2005. - Глава I, п. 7. - С. 146 – 148.
5. Дружинин А.В. Полинька Сакс. Дневник. - М.: Правда, 1989.
6. Марасанова В.М. Шмит Никита Конрадович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yarwiki.ru>
7. Искусство и архитектура русского зарубежья. Браиловская Римма Никитична [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.artrz.ru>

Глава III

1. Записки В.С. Хвостова [Электронный ресурс] // Русский архив: Историко-литературный сборник. – 1870. - С. 297. - Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book7627/406185/>
2. Хвостов Александр Семёнович (1753 – 1820) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>
3. Хвостов Д. И. Избранные сочинения графа Хвостова / Сост., прим., статьи М. Амелина - М.: Совпадение, 1997. – (Библиотека графомана).
4. Хвостов Д. И. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://az.lib.ru>.

5. Хвостов Николай Васильевич (1793 - 1837) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://impereur.blogspot.ru>
6. Хаецкая Е.В. Замужество Екатерины Сушковой [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/145005>
7. Жизнь семьи Берхман. Дневники, воспоминания [Электронный ресурс] / подготовил В.Г. Никифоров. - Режим доступа: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps19/ps_19_20.pdf
8. Алдонина Н.Б. Мариинское: А. В. Дружинин и его окружение // Алдонина Н.Б. А.В. Дружинин (1824 - 1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: монография. – Самара: Издательство СГПУ, 2005. - Глава I, п. 7. - С. 145.
9. Будько В.И. Сижно. Храм Архангела Михаила. Архивные изыскания Г.М. Степанова: рукопись.
10. Краткие историко-статистические сведения о церквях и приходах Гдовского уезда: Из записок крестьянина Ефима Андреева. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. X. - СПб, 1885.
11. Маркова М.Т. Князья Салтыковы и усадьба Чернево. Псковское дворянство: генеалогия, судьбы, имения [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps15/Ps_15_09.pdf

Глава IV

1. Шадури В. Друг Пушкина А.А. Шишков и его роман о Грузии. - Тбилиси: Заря Востока, 1951.
2. Алдонина Н.Б. Мариинское: А. В. Дружинин и его окружение // Алдонина Н.Б. А.В. Дружинин (1824 - 1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: монография. – Самара: Издательство СГПУ, 2005. - Глава I, п. 7. - Стр. 146 – 148.
3. Дружинин А.В. Полинька Сакс. Дневник. - М.: Правда, 1989.
4. Будько В.И. Сижно. Храм Архангела Михаила: Архивные изыскания Г.М. Степанова: рукопись.
5. Будько В.И. Н.Д. Мусина-Пушкина: рукопись. - 2014.
6. Будько В.И. Намогильная плита в Сижно: рукопись. - 2009
7. Шишков Александр Ардалионович // Русские писатели: библиографический словарь. В 2-х т. Т. 2: М – Я / Под ред. П.А. Николаева. - М.: Просвещение, 1990.

Глава V

1. Енишерлов В. П. Александр Блок. Штрихи судьбы.– М.: Современник, 1980. - (Любителям российской словесности).
2. Сафронова Е.В., Кравченко Е.С. Александр Львович Блок. Биография учёного. – М.: Весь Мир, 2013.
3. Сафронова Е.В., Кравченко Е.С. Государственное право в философской системе А. Л. Блока [Электронный ресурс] // Научные ведомости. - 2012. - №14(133). – (Серия «Философия. Социология. Право»; вып. 21). - Стр. 131 – 137. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>
4. Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2-х томах: т. 1 /М.А. Бекетова, Л.Д. Блок, А. Белый, С. Городецкий и др. – М.: Художественная литература, 1980.
5. Алдонина Н.Б. Мариинское: А. В. Дружинин и его окружение // Алдонина Н.Б. А.В. Дружинин (1824 - 1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: монография. – Самара: Издательство СГПУ, 2005. - Глава I, п. 7. - Стр. 146 – 148.

6. Дружинин А.В. – Полинька Сакс. Дневник. - М.: Правда, 1989.
7. Блюмин Г.З. Из книги жизни: Очерк об Александре Блоке. - Л.: Лениздат, 1982.
8. Усадьба Блока [Электронный ресурс] // Гдовские усадьбы и их обитатели: Из дневника гдовского помещика. - Режим доступа: <http://www.gdovuezd.ru>
9. Качаловы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>
10. Самарская губерния. История и культура. Иван Львович Блок [Электронный ресурс] / Управление государственной архивной службой Самарской области. – Режим доступа: <http://gubernya63.ru/Lichnost-v-istorii/governors/block.html>
11. Иллюстрации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://t-smertina.narod.ru/litphoto/blok/photoalbum-35.html>

Глава VI

1. Беляев И.Т. Записки русского изгнанника. - СПб., 2010.
2. Мартынов Б.Ф. Парагвайский Миклухо-Маклай: повесть о генерале Беляеве. - М.: Институт Латинской Америки РАН, 1993.
3. Лукашов А.Д. Усадьба Леонтьевское // Сланцевский альманах: Вып. 1. - Сланцы, 2015. – С. 74 - 82.
4. Лукашов А.Д. Белая линия генерала Беляева // Сланцевский альманах: Вып. 1. - Сланцы, 2015. - С. 84 – 97.
5. Сафронова Е.В., Кравченко Е.С. Александр Львович Блок. Биография учёного. – М.: Весь Мир, 2013.
6. Дружинин А.В. Полинька Сакс. Дневник. - М.: Правда, 1989.
7. Алдошина Н.Б. Мариинское: А. В. Дружинин и его окружение // Алдошина Н.Б. А.В. Дружинин (1824 - 1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: монография. – Самара: Издательство СГПУ, 2005. - Глава I, п. 7. - Стр. 146 – 148.
8. Будько В.И. А.В. Дружинин в Гдовском уезде. Дневники и письма: рукопись. - 2017.
9. Усадьба Трефуртов [Электронный ресурс]// Гдовские усадьбы и их обитатели. Из дневника гдовского помещика. - Режим доступа: <http://www.gdovuezd.ru/usadjba-trefurtov.html>
10. Блок А.А. Дневник. – М.: Советская Россия, 1989

Глава VII

1. Дружинин А.В. - Полинька Сакс. Дневник. - М.: Правда, 1989.
2. Алдошина Н.Б. А.В. Дружинин (1824 - 1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: монография. – Самара: Издательство СГПУ, 2005.
3. Будько В.И. А.В. Дружинин в Гдовском уезде. Дневники и письма: рукопись. – 2017.
4. Усадьба А.В. Дружинина [Электронный ресурс]// Гдовские усадьбы и их обитатели. Из дневника гдовского помещика. - Режим доступа: <http://www.gdovuezd.ru/usadjba-a-v-drudinina.html>

В оформлении титула использована картина А.Н. Шильдера «В парке».